

Лукавый Лазарь

Приобщаясь к Генриху Гейне | Пьеса в 12 картинах

Хартмут Лёффель

Hartmut Löffel

Der listige Lazarus

Annäherungen an Heinrich Heine

Stück in 12 Bildern

Talfeldverlag

© Talfeldverlag 2002

Hartmut Löffel
Unterer Talfeldweg 1
88400 Biberach

Хартмут Лёффель

ЛУКАВЫЙ ЛАЗАРЬ

Приобщаясь к Генриху Гейне

Пьеса в 12 картинах

*Перевод с немецкого
Тамары Кудрявцевой*

Москва
ИМЛИ РАН
2004

Лукавый Лазарь. Приобщаясь к Генриху Гейне. Пьеса в 12 картинах. — М., ИМЛИ РАН — 80 с.

Аннотация

Пьеса «Лукавый Лазарь» знакомит читателя с последними годами жизни немецкого поэта Генриха Гейне.

Восемь лет Генрих Гейне лежал парализованный в своей парижской квартире. Стоически противостоя физическим страданиям, поэт до конца жизни сохраняет творческое вдохновение и верность своему главному оружию — сатире. Перед читателем предстает человек, в котором живая душа побеждает немощное тело. Добрый юмор, на котором построен сюжет, придает динамику статичному по своей композиции произведению.

В пьесе использованы ранее не публиковавшиеся архивные документы и воспоминания современников Гейне.

- © 2002 Хартмут Лёффель
- © Издательство Тальфельд,
88400 Биберах, Германия, 2002
- © Оформление обложки
Фрауке Лёффель, 1996
- © ИМЛИ им. А.М.Горького РАН,
Москва, 2004
- © Т.В.Кудрявцева, пер. с нем., 2004

ISBN 5-9208-0197-2

От переводчика

Хартмут Лёффель родился в 1937 г. в г. Штуттгарте. Изучал германистику и романистику в Тюбингене и Бордо, получил музыкальное образование по классу скрипки, преподавал в гимназии и музыкальном училище в Биберахе (станция Рис Швабской железной дороги). Член Союза немецких писателей.

Герои произведений Х.Лёффеля — «солисты» (одноименный сборник рассказов «Solisten», 1992), одиночки, тревожно всматривающиеся в будущее, играющие для публики либо для себя на сцене современной жизни, полной катаклизмов и апокалиптических предчувствий. Перед лицом этой грозной перспективы жизнеутверждение становится для автора искусством выживания.

Представленная здесь пьеса — органичное продолжение прозаических и лирических произведений Х.Лёффеля.

Восемь лет, с 1848 года до смерти, последовавшей в 1856 году, Генрих Гейне лежал парализованный в своей так называемой матрасной могиле в парижской квартире. Стоически противостоя физическим страданиям, поэт до конца жизни сохраняет творческое вдохновение и верность своему главному оружию — сатире.

«Лукавый Лазарь» — по жанру трагикомедия. Перед читателем предстает человек, в котором живая душа побеждает немощное тело, «человек, который мучился — смеясь» (М. Горький). У зрителя не возникает чувства жалости и сострадания к герою, более того, последний преисполняет его сил и энергии. Добрый юмор, на котором построен сюжет, придает динамику статичной по своей композиции пьесе. Все действие происходит в квартире Гейне в Париже и разворачивается как цепь диалогов поэта с домочадцами, прислугой и посетителями.

Издание пьесы в России позволит любителям немецкой литературы лучше понять жизнь и творчество Генриха Гейне. Это представляется тем более интересным, поскольку автор использовал ранее не публиковавшиеся архивные документы и воспоминания современников Гейне.

Действующие лица

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ
МАТИЛЬДА — его жена
СЕКРЕТАРЬ ГЕЙНЕ
МАДЛЕНА — служанка
МУЛАТКА — служанка
КАТАРИНА — сиделка
Попугай КОКО
ЮЛИУС КАМПЕ — издатель Гейне
СТАРИК
КОНСЬЕРЖКА
М.АРНО
МУШКА — последняя любовь Гейне
Четыре бродячих музыканта из Кёльна

В видениях:

ГАРРИ ГЕЙНЕ в детстве
Несколько школьниц
Фройляйн ХИНДЕРМАНС — учительница Гейне
ВЕКЕРЛИН — предполагаемый подмастерье

Действие происходит в 1851 и 1855 годах в Париже,
в квартирах Гейне на улице д'Амстердам
и авеню Матиньон.

Картина первая

1851 год, июль. Улица д'Амстердам 50, Париж. По-мецански обставленная передняя с множеством дверей одновременно служит прихожей в «матрасную могилу» Гейне. Среди прочего видны широкое настенное зеркало, часы в фарфоровом корпусе, несколько ваз с искусственными цветами и написанный маслом портрет некогда стройной Матильды Гейне. Неподалеку кто-то упражняется в игре на фортепьяно (Черни и пр.) Нарядная молодая женщина осматривает развешанные по стенам картины и прислушивается к столам, непрерывно доносящимся из соседней комнаты.

СЕКРЕТАРЬ (*стремительно распахивая дверь, на саксонском диалекте*). Фрау Гейне, надо поставить клистир! Фрау Гейне, шприц! (*Даме в прихожей*). Еще не вернулась? Ну, конечно, опять отправилась за обновками! А на мужа наплевать! (*Проходит в другой конец комнаты и возвращается с прибором для клистира*). Не могли бы вы мне помочь?

МАДЛЕНА (*с легким эльзасским акцентом*). Меня не предупредили, что нужно немедленно приступить к работе.

СЕКРЕТАРЬ. Ничего, лучше узнаете свои обязанности! Раздвиньте ему немного ягодицы, сам он больше не может.

МАДЛЕНА. Я приставлена ухаживать за ним ночью.

СЕКРЕТАРЬ. А я — читать ему вслух!

Уходит, движением головы делая ей знак, по меньшей мере, открыть дверь, затем благодарит ее гримасой.

Мадлена подходит к зеркалу и подкрашивается. Из комнаты снова доносятся жалобные стоны. Иногда слышны фразы вроде: «Пропади все пропадом!» И т. д. Входит Матильда Гейне, полная и высокорослая, лет 35, с обрамляющими лицо каштановыми, причесанными на прямой пробор волосами. На ней короткая юбка. Несмотря на полноту, Матильда не соблюдает условностей. Она вульгарно-непосредственна и добродушна. По-немецки говорит с ошибками и с французским акцентом.

МАТИЛЬДА. Mon Dieu, quelle torture!¹ (*Отставляет в сторону корзинку.*) Как мне было знать, что кто-то придет — так рано, я имею в виду. Вы сядьте, или лучше, не надо. Приходите пополудни, когда уймется его мигрень, после визита господина Кампе. Он заявил о себе. Впервые за несколько лет. Шампанское, пирожки, торт, забыла! (*Шарит в корзинке, извлекает оттуда нарядную кружевную шаль и примеряет ее перед зеркалом.*) Oh merde², остались в магазине! — Мне это к лицу? Вы тоже из Амбурга?

МАДЛЕНА. Нет, я по объявлению, ночной сиделкой.

МАТИЛЬДА. А, garde-malade!³ Я, было, решила — одна из его пассий. Чем уродливее и худосочнее он становится, ça alors⁴, — в самый раз барахтаться в пеленках, — тем больше ... Не знаю, право, что они все в нем находят! Его в пору носить на руках.

МАДЛЕНА. Может именно поэтому!

МАТИЛЬДА. И вы тоже? Как тут устоишь? Против ваших духов, оголенных рук, пышной груди? Зачем вы так туго затягиваете корсет? Вы собираетесь сидеть у его постели или спать в ней? Нет, с таким шармом — невозможно!

МАДЛЕНА. У меня есть и — рабочая одежда.

МАТИЛЬДА. Белый халат и coiffe⁵ — как это перевести — чепчик? А локоны придется обрезать! Чтобы не выглядывали! По мне, лучше бы за ним ходил мужчина. Только где найдешь такого охотника? Не подчернить ли вам чуточку мордашку?

МАДЛЕНА. В объявлении об этом не сказано!

МАТИЛЬДА. Последняя была, по меньшей мере, смуглянка.

МАДЛЕНА. Ну, так возьмите ее! (*Делает вид, что намеревается уйти.*)

МАТИЛЬДА. Стойте! Зато вы говорите по-немецки. Намного лучше меня! Приходится читать ему вслух день и ночь! Mon Dieu!⁶ Гете либо, как его — «Хегеля». Как тут выздороветь, от такой философии! Вы умеете читать?

¹ Бог мой, какая пытка! (*фр.*)

² Проклятье (*фр.*)

³ Сиделка (*фр.*)

⁴ такое дело (*фр.*)

⁵ чепчик (*фр.*)

⁶ Боже мой! (*фр.*)

МАДЛЕНА. Только по-немецки.

МАТИЛЬДА. Но вы не из Амбурга!

МАДЛЕНА. Из Страсбурга.

МАТИЛЬДА. А чем занимаетесь в Париже?

МАДЛЕНА. Служу в кухарках.

МАТИЛЬДА. Стало быть, можете приготовить обед? К шести часам вечера?

МАДЛЕНА. А ночное дежурство?

МАТИЛЬДА. Не беда. Можете спать в соседней комнате. Будете вставать, когда позовет муж. Перестелить постель, или поправить белье. Он чувствует малейшую складку! Помогите ему перевернуться. Дадите обезболивающее. Все очень просто! Труднее с едой. Он любит хорошо поесть, и что-нибудь понежнее. (*Вынимает из корзинки апельсины.*) Вроде этого. Или инжир. Трудно потрафить, когда челюсти не работают. Сварите это мясо (*вынимает кусок и показывает его Мадлене*) и приготовьте из него паштет. Если сумеете! Для моего мужа кухарка важнее жены! На первом месте врач, потом она, и лишь затем — я.

Дверь из матрасной могилы открывается. Секретарь вносит на закорках Гейне. Тот очень худ и мал ростом. У него парализованы веки. Чтобы что-либо рассмотреть правым глазом, он вынужден закидывать голову, либо открывать веко пальцем. Седая борода и каштановые с небольшой проседью волосы растрепаны.

Mais le voilà! Mon pauvre malade, comment vas-tu?¹

Гейне отмахивается, словно куль, повиснув на плечах Секретаря.

СЕКРЕТАРЬ. Он хочет умыться.

МАТИЛЬДА. Так в чем дело?

СЕКРЕТАРЬ. Но, фрау Гейне, это не входит в мои обязанности!

ГЕЙНЕ (*на хорошем ганноверском диалекте*). Как это не входит? Вы же переписываете меня набело!

МАТИЛЬДА. Вы крепкий мужчина, и вам хорошо платят!

СЕКРЕТАРЬ (*ворчит*). Вам следует поискать кого-нибудь другого. (*Уносит Гейне*.)

¹ Ну вот! Мой бедный больной, как дела? (*фр.*)

МАТИЛЬДА. Mais je viens tout de suite! — Le salaud!¹ (*Мадлене.*) Очистите ему апельсин. Вот нож. Наденьте передник. Я принесу вам чэпчик. Здесь фасоль, ее тоже нужно почистить.

МАДЛЕНА. Вы меня берете?

МАТИЛЬДА. Nous parlerons des détails plus tard. Nous en parlerons!..² (*Уходит вслед за Секретарем.*)

Спустя некоторое время Секретарь возвращается.

СЕКРЕТАРЬ. Дело — дрянь! Скоро будут посылать меня за покупками. Соглашайтесь! Самое время сказать «да»! Что, уже запрягли?

МАДЛЕНА (*чистит апельсин*). Я поищу себе другое место.

СЕКРЕТАРЬ. Перестаньте! Они, в общем-то, не скупердяи. Просто им нужна и кухарка, и ночная сиделка. Вам придется выбирать либо то, либо другое. Хозяина время от времени приходится таскать на себе и устраивать ему лукуллов пир. Вы же видите, во что он превратился.

МАДЛЕНА. Какой, простите, пир?

СЕКРЕТАРЬ. Кормить повкуснее, пирожками с мясным паштетом из вырезки. Он не любит жаркого из баранины. Его жена этим пользуется, когда хочет ему досадить.

МАДЛЕНА. Готовить я могу, но...

СЕКРЕТАРЬ. Ох, не делайте такой мины! И попросите солидное жалованье! Они только прикидываются бедными. Разве я мог бы нанять столько людей?

МАДЛЕНА. И сколько можно было бы...?

СЕКРЕТАРЬ. Несколько франков за вечер, вы их получите, но сначала она будет предлагать вам дутые акции.

МАДЛЕНА. Акции? А что с ними делать?

СЕКРЕТАРЬ. Снять штаны и бегать! Послушайте, давайте обсудим это за чашечкой кофе, тут за углом... я хотел сказать, я могу вам открыть кое-что тет-а-тет, как земляк землячке! Поскольку мы теперь в одной...

МАДЛЕНА. Представляю!

СЕКРЕТАРЬ. Совсем не то!.. Как сочинить для него пару стишков! От стихов или бокала бургундского он не откажется. Да еще из рук пылкой бургундки.

МАДЛЕНА. Я из Эльзаса.

¹ Но я же сейчас приду! Негодяй! (*фр.*)

² Обговорим детали позже. Позже!.. (*фр.*)

СЕКРЕТАРЬ. Кхе, тоже неплохо! (*После некоторого раздумья.*) Чем занимаетесь в Париже?

МАДЛЕНА. Чищу апельсин.

СЕКРЕТАРЬ (*смеется*). Черт возьми! Ваши акции растут!

МАТИЛЬДА (*входит*). Он уже оправился. Принесите его. В последний раз, завтра у нас будет сиделка! (*Мадлене.*) Можно на вас рассчитывать?

СЕКРЕТАРЬ. Сделайте ей выгодное предложение! (*Уходит, чтобы принести Гейне.*)

МАТИЛЬДА. Сколько вы хотите? (*Недовольная ее медлительностью.*) Как, только один апельсин?! Ma chère enfant!¹

МАДЛЕНА. Но зато какой: кувшинка!

СЕКРЕТАРЬ (*от двери*). Просто поэма, мадам!

МАТИЛЬДА. Поэма! Мне не нужны поэмы! (*Рассматривает фрукт.*) И все же, как вам это удалось? Как вы это делаете?

МАДЛЕНА. Сущий пустяк, вот, смотрите! (*Показывает еще раз.*) Надрезаете равномерно по кругу, вот так, теперь осторожно отделяем и снимаем кожуру — ну вот, не получилось! Кожура чересчур толстая.

МАТИЛЬДА. Так вы согласны для нас готовить?

МАДЛЕНА. Пожалуй, да.

МАТИЛЬДА. И за сколько?

МАДЛЕНА. Чем больше, тем лучше!

Обе смеются. Секретарь вносит Гейне. Тот поднимает двумя пальцами веко и замечает Матильду и Мадлену.

ГЕЙНЕ. А, кто-то пожаловал из Германии! (*Острил.*) Видите, меня носят в Париже на руках. Можете засвидетельствовать на родине!

МАТИЛЬДА. Si tu es d'accord, on la prend!²

ГЕЙНЕ. Она из монастыря?

МАТИЛЬДА. Cuisinière, garde-malade, ça dépend de toi, mon grand!³

ГЕЙНЕ. Сиделка? Вели ей снять рясу. Гермафродитка!

Мадлена поспешно снимает накидку.

И чепец тоже.

¹ Дитя мое! (*фр.*)

² Если ты согласен, мы ее возьмем! (*фр.*)

³ Кухарка, сиделка, это зависит от тебя, мой повелитель! (*фр.*)

СЕКРЕТАРЬ. Пойдемте, мне тяжело вас держать!

ГЕЙНЕ. Жаль — ба, да она с Рейна!

МАДЛЕНА. Из Эльзаса, мосье.

ГЕЙНЕ. И зовут ее Мари!

МАДЛЕНА. Мадлена!

ГЕЙНЕ. Мари вам больше к лицу! Может, вы и впрямь Мари, просто не знаете этого.

МАДЛЕНА. Знаю!

ГЕЙНЕ. Вот как? Меня зовут Айнэ, Анри Эн, многие сливают это в «Анрьен», а кой кто прозвал меня мосье «Un rien»! Никто! Мог ли я раньше вообразить такое?

СЕКРЕТАРЬ (*унося его*). Господин Гейне, вы собирались подиктовать!

ГЕЙНЕ. Вот видите: послушать его, так я — диктатор. А на самом деле...

СЕКРЕТАРЬ. Поторопитесь, иначе нечего будет показать господину Кампе.

ГЕЙНЕ. Матильда, пусть она подождет, я хочу взглянуть на нее еще раз. Попозже! «Чтобы вонь не омрачила радость!» (*В отдалении.*) «Грядущий немецкий смрад!»¹...

Дверь закрывается.

МАДЛЕНА. Хватит ли у меня сил его поднять? Полагаете, я смогу? Может быть, возьмете меня кухаркой? Я люблю готовить.

МАТИЛЬДА. Вы будете здесь жить. Наверху есть мансарда. Мы не берем денег с прислуги!

МАДЛЕНА. Мое кулинарное искусство сгодится вашему мужу больше, нежели мускулы.

МАТИЛЬДА. В таком случае устроим экзамен. Почистите фасоль, мадмуазель Мадлена. Можно вас так называть? О, здесь цветная капуста! (*Достает.*) Если господин Кампе останется с нами отобедать, придется хорошенько похлопотать о столе!

МАДЛЕНА. Лучше всего запечь ее с сыром.

МАТИЛЬДА. Для господина Кампе? Для этого сухаря? Чрезвычайно черствый человек! Три года ничего не давал о

¹ Германия. Пер. с нем. В.Левика // Гейне Г. Собрание сочинений в 6-ти томах / Под общ. ред. А.Дмитриева, А.Карельского, Е.Книпович. Т. 2. М., 1981. С. 426.

себе знать, ни письма, ни весточки, и вдруг является, как ни в чем не бывало, и сразу подавай ему мясо. Се bêtard!¹ А мой бедный Анри не встает с постели! Почему? Сотни писем — и все впустую! И зачем он их пишет? А его книги? К чему сердиться на весь мир? Какое уж тут здоровье! Унаследуй он обувную лавку моей тетушки, твердо стоял бы сейчас на ногах, уверяю вас! А теперь вот просим милостыню у людей проде Кампе... (*Выдержав паузу.*) Мы не сможем много платить. На что вы рассчитываете?

МАДЛЕНА. Нынешние хозяева платят мне два франка в день!

МАТИЛЬДА. Два франка! Шестьдесят в месяц! И притом, что вы будете у нас бесплатно жить и столоваться!

МАДЛЕНА. Я малоежка!

МАТИЛЬДА. Шестьдесят франков! (*С наигранным изумлением.*) — Полнены хорошей кашемировой шали!

МАДЛЕНА. Но шаль не станет для вас стряпать!

МАТИЛЬДА. Mais écoutez-la, cette petite friponne! — Bon, voyons!² Могу вам кое-что предложить, скажем, сделать выгодное капиталовложение. Купите акцию, газовой компании, к примеру. Такие есть у Анри и у любого умного француза. Мы могли бы уступить вам две, или три? Кроме того, будете получать на карманные расходы!

МАДЛЕНА. У меня уже есть акции.

МАТИЛЬДА. Какие?

МАДЛЕНА. Железной дороги, пароходства и... и...

МАТИЛЬДА. Шестьдесят франков в месяц! Я вас умоляю!

МАДЛЕНА. Но это гораздо меньше, чем вам обходится енделка!

МАТИЛЬДА. Мне нужно посоветоваться с Анри. Если он что-нибудь продаст Кампе, если он продаст ему книгу, тогда еговоримся. — Почему вы чистите каждый стручок отдельно? Четыре разом, вот так, еще. И готово!

МАДЛЕНА. Но прожилки останутся!

МАТИЛЬДА. У Кампе крепкие зубы.

МАДЛЕНА. А у вашего мужа?

МАТИЛЬДА. Он не ест фасоль.

¹ Ублодок! (*фр.*).

² Послушайте, что говорит эта маленькая плутовка! Ну, хорошо! (*фр.*).

Картина вторая

Час спустя. Перед домом № 50 стоит Юлиус Кампе, ошанистый, дородный господин лет шестидесяти. Седовлас, элегантно одет, в шляпе. Несмотря на теплую погоду, его стюртук застегнут на все пуговицы. Шейный платок завязан узлом. Кампе уточняет адрес.

КАМПЕ (Старику, курящему возле дома). Мосье Ай-нэ — je suis... juste?¹

СТАРИК (удивленно). Hé? Bien sûr que je suis né! Tout le monde est né ici!² (Смеется.) Vous non? Hé!³

Кампе не понимает его и принимается читать имена жильцов на двери.

(Следуя за ним). Ah, vous cherchez quelqu'un?⁴

КАМПЕ. Господина Гейне, поэта Генриха Гейне!

СТАРИК. Monsieur Haine, ah je comprends, oui, oui, par ici, au deuxième étage, allez tout droit, tout droit et vous tombez dessus!⁵ — (Про себя.) Malepeste! Les malentendus augmentent!⁶

КАМПЕ. (Все же входит в подъезд, где наталкивается на консьержку). Monsieur Einé?⁷

КОНСЬЕРЖКА. Мосье Гейне, oui!⁸ (Указывает на калитку, ведущую во двор.) Au second, au fond!⁹

КАМПЕ. Il est là, oui?¹⁰

КОНСЬЕРЖКА. Ah, monsieur, il faut bien qu'il soit ici puisqu'il y a trois ans qu'il ne quitte plus son lit!¹¹

КАМПЕ. Ah, merci, madame.¹²

¹ я не ошибся? (фр.).

² Ошибся? Нет, я тут родился! (фр.).

³ А вы разве нет? Эхма! (фр.).

⁴ А, вы кого-то ищете? (фр.).

⁵ Мосье Айне, а, понял, да, да, здесь, на третьем этаже, идите все время прямо, и не промахнетесь! (фр.).

⁶ Черт, какое-то недоразумение! (фр.).

⁷ Мосье Айне? (фр.).

⁸ здесь (фр.).

⁹ Третий этаж, в глубине двора! (фр.).

¹⁰ Он дома? (фр.).

¹¹ Ах, мосье, должно быть, вот уже три года он не встает с постели! (фр.).

¹² Спасибо, мадам. (фр.).

КОНСЬЕРЖКА. Je vous en prie, monsieur!¹

Кампе пересекает двор в направлении флигеля и входит в него. На лестнице поправляет галстук, завязывая его бабочкой. Потом смотрится в карманное зеркальце и идет дальше. Дверь в квартиру Гейне приоткрыта. Кампе осторожно стучит, хотя рядом с дверью есть колокольчик. Не дождавшись ответа, входит в переднюю и стучит еще раз. Секретарь открывает дверь. Звуки фортепьяно слышны теперь с другой стороны. Откуда-то доносится стук молотка.

СЕКРЕТАРЬ. Ah, il y a quelqu'un! Bonjour, monsieur.²

КАМПЕ. Юлиус Кампе, из Гамбурга! (Протягивает ему руку.)

СЕКРЕТАРЬ. А, господин Кампе! (Представляется.) Рихтер, секретарь Рихтер, — вот уж он обрадуется! Проходите, вы сегодня persona grata, желанный гость с родины. Мне велено во что бы то ни стало вас задержать! Фрау Гейне отправилась за покупками, позвольте вашу шляпу...

КАМПЕ (сам снимает). Благодарю, я сам.

СЕКРЕТАРЬ. Чашечку кофе или чай?

КАМПЕ. Стакан воды, если позволите, погода сегодня не для прогулок!

СЕКРЕТАРЬ. Фройляйн Риттер, принесите стакан воды для господина Кампе, да поживей, и не забудьте положить лимон!

Мадлена, снова в накидке, но без чепчика, выглядывает из кухни, куда она ретировалась после прихода Кампе, и кивает.

СЕКРЕТАРЬ (предлагая Кампе присесть). Должно быть, путешествие вас утомило!

КАМПЕ. Не более чем всегда. Волка ноги кормят. А как поживает наш поэт?

СЕКРЕТАРЬ. Уф, сегодня неважно, судороги и привычная мигрень. Я дал ему солидную дозу морфия и несколько капель опшума. Теперь он спит, но полчаса назад еще диктовал мне.

КАМПЕ. Похоже, он стал отшельником.

¹ Не за что, мосье! (фр.).

² А, кто-то пришел! Добрый день, мосье. (фр.).

СЕКРЕТАРЬ. Нет, он про вас не забыл! Никак нет, господин Кампе, он ожидает вас ближе к вечеру. Непременно к ужину. Вот записка, специально для вас... (*Ищет бумажку.*) Уф, оставил в комнате! Когда вы отбываете?

КАМПЕ. Думаю пробыть здесь несколько дней.

МАДЛЕНА (*приносит воду*). Пожалуйста, наисвежайшая!

КАМПЕ (*пьет*). Без акцента? Настоящая немецкая колония! Или вы француженка?

МАДЛЕНА. Нет, скорее немка.

КАМПЕ. Хорошо знать и по-французски, и по-немецки. Мне всякий раз нужно время, чтобы прочистить уши. Приядьте.

МАДЛЕНА. У меня дела на кухне.

СЕКРЕТАРЬ. Экзамен! Она готовит у нас сегодня в первый раз!

КАМПЕ. И что в меню?

МАДЛЕНА. Цветная капуста, фасоль, рис...

КАМПЕ (*морищится, якобы от лимона*). Полезно для здоровья, весьма полезно, весьма! Отменный рацион. Только поставит ли он на ноги хозяина? Ему бы жаркое из говядины с жареной немецкой картошкой и жирным соусом. Держу пари, сердце Лазаря возрадуется, и он забудет про свои страдания!

МАДЛЕНА. Ах, мне надо... (*Уходит на кухню.*)

КАМПЕ. Ну-с, мой друг Веерт сообщил мне недавно об этих стихах! О чем они? Сколько их?

СЕКРЕТАРЬ. Да ведь он мне не все показывает, знаете, их у него пруд пруди... много пишет ночью вслепую, попробуй, разбери; а то, что диктует, исправляет не по одному разу. И сразу — в ночной столик.

КАМПЕ. И что же он диктовал? К примеру, полчаса назад?

СЕКРЕТАРЬ (*уклончиво*). Еврейские, испанские мотивы, много исторического — письма!

КАМПЕ. И ничего готового? Что же он собирается мне отдать?

СЕКРЕТАРЬ. Ну, не совсем так, разумеется, есть готовые вещицы. Кроме того, если верить его словам, он уже что-то вам послал.

КАМПЕ. Не могли бы вы мне прочесть что-нибудь, пока он не проснулся?

СЕКРЕТАРЬ. Что именно? Из столика?..

КАМПЕ. Из головы, господин Рихтер, что-нибудь там наверх осталось!

СЕКРЕТАРЬ. У меня это не очень складно выходит, господин Кампе, так, отдельные цитаты, лучше я отправлюсь домой за оригиналами.

КАМПЕ. Ага, дома у вас кое-что припрятано!

СЕКРЕТАРЬ. Довольно длинное стихотворение, «Гастинг», больше тридцати строф, уже переписаны набело! Не хотите взглянуть?

КАМПЕ (*вставая*). Если они того стоят! Поехали! Я возьму экипаж...

СЕКРЕТАРЬ. Постойте, одну строфу я, кажется, запомнил, это которая о саксонцах...

КАМПЕ (*весь внимание*). Ну же!

СЕКРЕТАРЬ Из саксов лучший пал в бою,
И Банкерт смеется, негодный;
Отребе норманское делит страну,
В раба обратился свободный.¹

И после нее еще одна:

О, горе нам и тем святым,
Что в небе наша опора!
Пускай трепещут и они,
И им не уйти от позора.²

КАМПЕ. Не многовато ли политики?

СЕКРЕТАРЬ. Скорее истории.

КАМПЕ. На злобу дня! Будет скандал! И опять запретят!

СЕКРЕТАРЬ. Поговорите об этом с автором, я в таких делах мало что смыслю.

КАМПЕ. Он опять упрется и потребует солидного вознаграждения. О чем он только думает?!

СЕКРЕТАРЬ (*пожимая плечами*). Он? — Она! Надо, чтобы ей хватило! Ну, мы тоже кое-чего стоим! Между нами, у них сейчас неважно с финансами. Дайте ему шесть тысяч, и дело в шляпе!

КАМПЕ. Франков?

¹ После битвы при Гастинге. Пер А.Блока, Е.Книпович // Гейне Г. Собрание сочинений: в 6-ти томах / Под общ. ред. А.Дмитриева, А.Карельского, Е. Книпович. Т.2. М., 1981. С. 17.

² Там же. С.18.

СЕКРЕТАРЬ. Марок.

КАМПЕ. Кругленькая сумма! Разве я не говорил?

Из комнаты Гейне неожиданно раздается громкий крик. (Вздрагивает.) Что это? Какой ужас!

СЕКРЕТАРЬ. Попугай — немного со странностями.

КАМПЕ. А, попугай! Здесь шумновато, однако!

Слышен громкий стук. Кампе выглядывает через окно вниз во двор.

СЕКРЕТАРЬ. Заплатите ему, и он сможет переехать в другое место.

КАМПЕ. Платить! За что? Если бы книги расходились! А то ведь, не успеет высохнуть краска — и уже под запретом! Как же я могу ему платить! А он осаждаст меня непомерными требованиями и торгуется, как на базаре, словно понимает в делах больше Ротшильда. *(Язвительно.)* Гениальный финансист! Пусть бы себе. Но ему невдомек, что книги не пушки! И, тем не менее, разве не по-княжески я с ним обходился?

СЕКРЕТАРЬ. Но теперь он заживо погребен в своей могиле, и не в силах постоять за себя.

КАМПЕ. Кто? Гейне? Плохо же вы его знаете! Да он не сдастся до последнего!

СЕКРЕТАРЬ. Кажется, это фрау Гейне!

Запыхавшаяся, с тортом в руках входит фрау Гейне. Секретарь идет ей навстречу. Она вручает ему торт.

Куда прикажете отнести?

МАТИЛЬДА. На кухню, mon Dieu, allez-y!¹ *(С притворной приветливостью Кампе.)* Quelle surprise!² Добро пожаловать, мосье Кампе! Боялась опоздать, так оно и вышло!

КАМПЕ. Фрау Гейне, не иначе! *(Подает ей руку.)* Какая честь лицезреть вас, наконец. В Германии, помнится, в сорок четвертом, мой дорогой друг держал вас в заточении! Не лучшим образом он поступает и со своими стихами. Сначала возбуждает любопытство, а потом их у него не выманишь.

МАТИЛЬДА. Я и стихи? Вы меня смущаете!

¹ господи, ну же! *(фр.)*.

² Какой сюрприз! *(фр.)*.

КАМПЕ *(смеется)*. Исполняю профессиональный долг, юное цветущее создание.

МАТИЛЬДА. Цветущее? Беготня вверх-вниз по лестнице идет мне на пользу! *(Смотрится в зеркало.)* Пожалуй, я чуточку полновата!

КАМПЕ *(с самоиздевкой)*. Назовем это статью! Взгляните на меня! Разве это недостаток? Мы округляемся, прибавляем в весе и лучше исполняем свою роль. Так в чем же дело? Стоит ли из-за этого поститься? Худоба наводит тоску!

МАТИЛЬДА. Истинная правда! Посмотрите на Анри. Тонкий, как спичка, — вот-вот сгорит! *(Пораженная своим заключением.)* Terrible, мосье Кампе, terrible!¹

КАМПЕ. По мне, он больше притворяется больным, можете поверить! Не припомню минуты, когда бы он не жаловался!

МАТИЛЬДА. Боль его съедает! Каждый день понемногу... *(Неожиданно меняет тему разговора.)* Mon Dieu², вас чем-нибудь угостили? Погодите, я купила для вас превосходный торт. Мосье Рихтер, la tarte, s'il vous plaît!³ *(Убегает на кухню.)*

КАМПЕ. Нет, нет, фрау Гейне, не стоит беспокоиться!

СЕКРЕТАРЬ. Мадам?

МАТИЛЬДА. Торт для господина Кампе!

СЕКРЕТАРЬ. С превеликим удовольствием! *(Приносит торт.)*

КАМПЕ. Я не голоден, да и желудку надо оправиться с дороги.

МАТИЛЬДА *(открывает коробку с тортом.)* Одного взгляда довольно, чтобы прийти в себя. Три слоя — сплошное наслаждение! А крем! Я составлю вам компанию. Где большой нож? — Ну, что вы теперь скажете?

КАМПЕ. Шедевр! *(Решительно.)* Но я вынужден отказаться, в пользу нашего маэстро, передайте ему мою визитную карточку, теперь же. Ему тотчас полегчает!

СЕКРЕТАРЬ. Я ведь вам сказал, он ждет вас вечером! В это время он никого не принимает. Кроме того, боль лишила его последних сил, и он спит.

¹ Ужасно *(фр.)*.

² Господи *(фр.)*.

³ торт, пожалуйста! *(фр.)*.

КАМПЕ. Il n'y a aucune règle sans exception¹, фрау Гейне!

МАТИЛЬДА. Он рассердится! Бесконечные визиты без предупреждения! Они его страшат! Он говорит: «Всякий раз, когда кто-то приезжает из Германии, меня мороз подирает по коже». Господин Кампе, ведь он политический эмигрант! Понимаете?

КАМПЕ. Неужели я похож на сыскаго агента?

МАТИЛЬДА. Нет, конечно, нет, вам он будет рад. Но другие? Зачем они толкуются у нас дни напролет? Валом валят в сапожищах, в любую погоду, так, что приходится оказывать им специальные услуги!

КАМПЕ. Фрау Гейне, ваш муж знаменит. Из этого следует, что он принадлежит не только вам. Европа тоже имеет на него права, принимает в нем участие, дарует ему утешение!

МАТИЛЬДА. Он и в самом деле великий поэт, как говорят?

КАМПЕ. Один из самых великих! Когда-нибудь это станет очевидным для всех.

МАТИЛЬДА. Возможно. Признаться, не знаю, не читала его книг.

КАМПЕ. Как?

МАТИЛЬДА. ...Пожалуй, несколько стихотворений, он написал их для меня, давно! Теперь приходится за ним ухаживать. Тут уж не до чтения! Да он и не показывает мне ничего! А сам просит читать ему вслух, по-французски, негодник! По-немецки я не умею.

КАМПЕ. Его произведения переведены и на французский!

МАТИЛЬДА. Он мне этого не говорил! Видите, каков мошенник! *(Отрезая кусок торта.)* Это вам!

КАМПЕ. Ни-ни!

МАТИЛЬДА. А ваша статья?

КАМПЕ. Приду вечером. Тогда, пожалуй, съем кусочек! Повнушительней! *(Вытирает пот с лица.)* Еще стакан воды, если позволите, здесь очень жарко! Нельзя ли открыть окно?

СЕКРЕТАРЬ. Мадлена, еще стакан воды господину Кампе! *(Уносит пустой стакан Кампе на кухню.)*

МАТИЛЬДА. Не поможет! Со двора не проникает свежий воздух, только грохот, вы слышите, и кухонная вонь. Нет, ни в коем случае нельзя открывать! А уличный шум, oh là là!²

¹ Не бывает правил без исключений *(фр.)*.

² О ля-ля! *(фр.)*.

КАМПЕ *(растегивает сюртук на несколько пуговиц)*. По крайней мере, у вас вокруг цветы!

МАТИЛЬДА. Ах, они не настоящие! Но когда Анри умрет, мой раувге Henri¹, я заведу сад, как у моей тетушки, где-нибудь подальше от Парижа, со сливами, салатом, чудесным салатом, множеством цветов и видом на фруктовые деревья. Мне доводилось работать в саду. Улитки, правда, досаждают, поедают самый лучший салат. Ah, les vilaines bêtes!² Приходится их топтать!

КАМПЕ. Божьи твари, как можно!

МАТИЛЬДА. Vous ne détestez pas les limaces?³ Они вам не противны? Отвратительные бестии, разгуливают нагишом и поедают все вокруг. Что до меня, так я их ненавижу, потому что люблю салат, хороший салат! Наверное, вы не любите салат! А я собиралась вас угостить вечером!

Секретарь приносит воду для Кампе.

КАМПЕ. Благодарю! *(Стоя выпивает стакан до дна.)* Нет, фрау Гейне, я остановился в приличном отеле с diner⁴ — в другой раз, с удовольствием, а сегодня у меня уже назначена встреча. Завтра! Завтра непременно! Когда удобнее зайти?

СЕКРЕТАРЬ. В половине пятого! Фрау Гейне, я, пожалуй, пойду. Вечером принесу переписанную набело рукопись.

КАМПЕ. Господин Рихтер, я с вами, нам по пути! *(Берет свою шляпу.)*

СЕКРЕТАРЬ. Неплохо бы взять экипаж!

КАМПЕ. Разумеется! — Фрау Гейне *(протягивает ей виштку)*, стало быть, au revoir⁵, отдайте ему это, когда он прощется!

МАТИЛЬДА. А soup sûr!⁶ И не говорите мне больше, что любите салат! Мне кажется, вам больше по вкусу улитки! Нет, я бы никогда не смогла полюбить улиток, никогда!

КАМПЕ. Французских! Немецкие улитки намного дисциплинированнее! И они больше любят пиво. И легко в нем тонут! *(Хохоча, уходит вместе с Секретарем.)*

¹ мой бедный Анри, *(фр.)*.

² Ах, эти твари! *(фр.)*.

³ Вам не противны слизняки? *(фр.)*.

⁴ обед, здесь: полупансион *(фр.)*.

⁵ До свидания *(фр.)*.

⁶ Непременно! *(фр.)*.

МАТИЛЬДА. Мадлена! *(Направляется в кухню.)* Хлопоты оказались напрасными. Господин Кампе уходит!

МАДЛЕНА. Другие поручения будут?

МАТИЛЬДА. Приходите завтра! Господин Кампе обедает у нас. Скажем, в четыре. Или вам потребуется больше времени?

МАДЛЕНА. Все зависит от меню... *(Снимает накидку.)* Я могла бы сделать покупки!

МАТИЛЬДА. Отлично! Я напишу, что необходимо.

МАДЛЕНА. Так вы меня берете?

МАТИЛЬДА. После завтрашнего обеда. Анри сам решит.

Звонок в дверь.

Merde,¹ опять! *(Подходит к двери и открывает ее.)*

Перед дверью стоит улыбающаяся дородная некрасивая Мулатка.

МУЛАТКА. Мадам Айнэ?

МАТИЛЬДА. Oui, madame, vous désirez?²

МУЛАТКА. Vous cherchez une garde-malade?³

МАТИЛЬДА. Une garde-malade! Ah, entrez!⁴ Входите *(Громко.)* Анри, нашли! Мы ее нашли! Какой удачный день!

Картина третья

Полудни, комната Гейне в два окна. Он лежит под легким покрывалом на шести положенных друг на друга матрасах. У него вид Христа с закрытыми глазами, как на заказанном Кампе портрете от 27 июля 1851 года. Темно-каштановые прямые волосы до плеч немного растрепаны. Борода на манер Генриха Четвертого местами совершенно седая. Когда Гейне хочет что-то рассмотреть, он левой рукой приподнимает правое веко. Руки держит на уровне лба и оживленно ими жестикулирует. Верхняя часть туловища подвижна, повернутые влево скрюченные ноги, напротив, парализованы.

¹ Проклятье *(фр.)*.

² Да, мадам, что вам угодно? *(фр.)*.

³ Вы ищете сиделку? *(фр.)*.

⁴ Сиделку! Ах, входите! *(фр.)*.

Кровать стоит в середине комнаты, падающий от окна свет загоразживает зеленая ширма с китайским орнаментом. Рядом с кроватью — «священный» ночной столик Гейне, где у него хранятся самые важные бумаги, а также корзина, куда он бросает исписанные листки. Два стола, большой четырехугольный и маленький круглый, завалены книгами, бумагами и газетами. Книги везде: на подоконнике и на шкафу. Шторы задернуты. Между ширмой и одним из окон оставлен маленький проход. У другого окна письменный стол Гейне, за которым он раньше работал.

В комнате разместились также секретер орехового дерева, диван, черное с зеленым отливом кожаное кресло и внушительных размеров стульчак. На стенах три гравюры работы Леопольда Робера: «Неаполитанский импровизатор», «Жнецы», «Рыбаки Адрии». Рядом на ночном столике горит лампа под зеленым абажуром. Маленькая подставка на груди помогает Гейне писать лежа. Мосье Арно что-то назойливо говорит ему. Матильда болтает с Попугаем. Она сняла клетку с крючка на стене и кормит птицу крошками. Чтобы лучше видеть, открывает одну из штор.

Мосье Арно лет 35. У него бледное лицо южного типа, иссиня черные волосы, такая же темная борода; одет, как денди. Арно сделал состояние на спекуляциях и теперь владеет инподромом, который превращает в цирк.

АРНО *(постукивая Гейне тросточкой с золотым набалдашиком)*. Милый Гейне, да вы все время молчите! Вы меня слышите?

Гейне стонет.

Вам плохо? Боже, у вас вид, как у покойника! Я в жизни не видал человека, который бы так мучился на смертном одре!

ПОПУГАЙ. Filou!¹

МАТИЛЬДА. Mais que dis-tu là, mon petit bavard!² *(Гладит его.)*

АРНО *(не переставая постукивать тросточкой по одеялу)*. Да, инподром приносит большие доходы, баснословно прибыльное предприятие! Каждый погожий день дарит мне по десять тысяч франков! Что скажете, дружище!

¹ Мошенник! *(фр.)*.

² Что ты говоришь, маленький болтун! *(фр.)*.

Гейне массирует себе лоб.

Вот-вот! У меня котелок тоже не без извилин! Я становлюсь поэтом, разыгрываю «Тысячу и одну ночь», кормлю парижан, так сказать, чудесами! Впрочем, вы ведь слышали, что Пуатвен, величайший, отважнейший, необыкновеннейший из всех аэронавтов, заткнул за пояс, я хотел сказать, за фюзеляж, всех прежних воздухоплатателей. Так вот, он поднимается в небо на воздушном шаре, и как бы вы думали? Верхом! А на следующей неделе, говорят, отправится в воздушное путешествие на осле! Я называю это «подъемом à la Санчо Панса». Отменно придумано, не правда ли? Впрочем, моя затея не хуже!

Гейне ворочается и издает звуки, которые Арно принимает за выражение восхищения.

Удивлены! Вот взгляните-ка на этот весенний экипаж. В повозку впряжены двенадцать белых рысаков, двадцать юных баядерок в трико телесного цвета парят в вышине в самых смелых позах, слегка прикрытые шелковым батистом, и отплясывают канкан! Настоящие гурии! Гуриями, дорогой Гейне, у мусульман зовут райских дев! Вот каких нимф я отхватил для ипподрома! Лучшие девицы Парижа, да что там, всей Европы! Какая жалость, Гейне, что вы больны! Это бы повеселились!

МАТИЛЬДА. Dudududu, qu'il est beau, oui, mange ça!¹

АРНО. Каждый день по пять тысяч, а может и все пятнадцать, хорошенькое дельце!

ГЕЙНЕ. Пятнадцать тысяч! Спросите, сколько Кампе платит мне за одно издание «Книги песен»!

АРНО. Ну, вот вы и проснулись! Что я говорил? Однако ничем, даже самым лучшим делом, нельзя заниматься слишком долго. Как только заработаю миллион, тут же продам цирк. Еще тысяч пятнадцать получу от продажи и на покой. Все, баста!

ГЕЙНЕ. В таком случае, добро пожаловать на мой тюфяк.

АРНО. О, поверьте, дорогой друг, в моем деле приходится ломать голову не меньше, чем поэту! Изобретаешь немыслимые штуки! И не забудьте, какова опасность, дорогой Гейне!

¹ Дудудудуду, ах ты, милашка, кушай, кушай! (фр.).

Если бы не мои познания в оперном и балетном искусстве, мое предприятие давно бы с треском провалилось!

ГЕЙНЕ. Завтра расскажешь, дорогой Арно, либо сегодня вечером после ужина, теперь меня ждут дела.

АРНО. Поймите разницу! Если вы что-то написали, и вам это не понравилось, вы просто выбрасываете свой труд, и при этом теряете лишь кусок бумаги. У меня другое дело! Неудача грозит разорением! (Фамильярно ставит ногу на край железного матраса.) Приведу пример. Праздник в Пекине! Предприятие, которое либо принесет мне сорок тысяч франков, либо разорит! Пекин, как вы, должно быть, знаете, — столица китайской империи. А теперь представьте пышную эстраду на фоне храма, который украшают статуи языческих божеств. Китайцы, как вам небезызвестно, еще верят в идолов.

ПОПУГАЙ. Merde!

ГЕЙНЕ. Слышали? Какой от этого прок? Я хочу рассказать вам о другом! Один англичанин, заверяю вас, суший геней, собирается открыть страусиные бега. Представьте себе, я видел подобные скачки собственными глазами! И участвовали в них важные персоны: господина-политики Тизэр, Гизо и философ Кузен. Верите ли, каждый верхом на страусе. Только вместо жокейского костюма, как того требует этикет, на господине Тизэре был генеральский мундир, а голову господина Гизо украшала тиара, и вместо кнута он держал в руке епископский посох. Господин Кузен предстал в облачении немецкого философа. Видите, мосье Арно, подобные предприятия могут приносить не только деньги, но и славу! Тот англичанин собирается ангажировать прусского короля. (Поднимает веко, чтобы увидеть какой эффект произвели его слова.)

АРНО. Прусского короля? В самом деле?

ГЕЙНЕ. Можете мне не верить, но конкурент у вас уже есть! Ипподром будет построен! И без вашего участия!

АРНО. На страусах? Впрочем, идея неплоха! Я поговорю об этом со своими людьми. Прощайте, дружище! (Матильде.) Приятного вам дня! Солнце сегодня светит ярче обычного, словно по заказу! Дела ждут! (Исчезает.)

¹ Тьфу! (фр.).

МАТИЛЬДА. Au revoir, cher monsieur! Арно!

ГЕЙНЕ. Такой здоровый человек и такой бесчувственный! (Матильде.) Зачем ты каждый раз впускаешь его ко мне?!

МАТИЛЬДА. Если ты с ним поссоришься, он не будет присылать к тебе детей!

ГЕЙНЕ. Их не видно вот уже который день. Где они?

МАТИЛЬДА. В такую погоду!.. (Попугаю.) Ну-ну-ну, проказник!

ГЕЙНЕ. Убери его отсюда, он действует мне на нервы!

МАТИЛЬДА. В чем дело, Коко? Ты играешь у него на нервах? Он говорит про тебя такие гадости?!.. (Продолжает болтать с Попугаем.)

ГЕЙНЕ. Ты обращаешься с ним лучше, чем со мной!

МАТИЛЬДА. Тебе я сейчас принесу апельсин! (Попугаю.) Ах ты, сладенький! (Пытается его поцеловать.)

ГЕЙНЕ. Убери его! (Видя, что она медлит.) Или я сожру его, живьем и без соуса! (Гневно.) Клянусь, сегодня же отравлю! Глупая птица!

ПОПУГАЙ. Глупая птица!

МАТИЛЬДА. Анри! Ты не посмеешь!

ГЕЙНЕ. Отчего же? Более того! Я сам умру! Прямо сейчас!

МАТИЛЬДА. Анри, что ты такое говоришь? Умереть? Pitié!² Ты не умрешь! Не то у меня останется только он!

ГЕЙНЕ (успокаиваясь). Выбирай, либо он, либо я! Или умри вместе со мной. Не придется тратиться на прислугу.

МАТИЛЬДА. Ах, не дразни меня, ты опять вздумал меня дразнить, бессовестный, обманщик! (Подходит к нему и чешет под подбородком.)

Гейне это явно нравится, однако он, по-видимому, расчитывает на большее.

В наказание оставлю тебя одного на целый день!

ГЕЙНЕ. Как? Матильда, ma biche!³ Одному умирать со скуки! Ах, за что господь наказывает меня? А он меня наказывает, и не без твоей помощи!

МАТИЛЬДА. Моей? Объясни! Я ненадолго, а Коко составит тебе компанию!

ГЕЙНЕ. Я бы предпочел обратное. Он меня убьет.

¹ До свидания, дорогой мосье (фр.).

² Какая жалость! (фр.).

³ Моя лань! (фр.).

МАТИЛЬДА. Может, послать его за покупками? Как будто у нас есть выбор! Ты целыми днями лежишь, и еще ухаживай за тобой!

ГЕЙНЕ. Мне страшно за тебя.

МАТИЛЬДА. Посади меня на цепь! Я не могу сидеть взаперти дни напролет! Здесь темно! Мне нужно проветриться!

ГЕЙНЕ. Пожалуйста, не долго! Где ты пропадала все утро?

МАТИЛЬДА. Где, где! Фигаро здесь — Фигаро там! Спроси у Паулины, она была со мной!

ГЕЙНЕ. Ты ведь обещала вернуться скоро! Через полчаса!

МАТИЛЬДА. Где полчаса, там и два! Почему мне всегда приходится покупать первое, что попадет под руку, чтобы ты не устраивал допроса!?

ГЕЙНЕ. Париж — джунгли! (С жаром.) Но я знаю, чем ты занимаешься, а чего не знаю сейчас, узнаю потом! Мои люди мне донесут! (Настойчиво.) С тобой кто-нибудь заговаривал? Скольких ты удостоила взглядом?

МАТИЛЬДА. Я не намерена отвечать на подобные вопросы! Как ты смеешь такое говорить! Идиот! Получишь сегодня жаркое из баранины!

ГЕЙНЕ. Ты доверчива и наивна. Ах, как мне тебя убереечь!

МАТИЛЬДА. Quelle idée bizarre! — Un maniaque!¹

ГЕЙНЕ (вздыхая). Что я — против полумиллиона мужчин!

МАТИЛЬДА (кричит). Я свободная женщина! Пойми, наконец! Свободная! Свободная!

Попугай возбужденно кричит и машет крыльями.

ГЕЙНЕ. Свободная банкротка, — как и весь мир. (Немного помолчав, более мягко, Попугаю.) Ты сердисься, Коко? Не мудрено у таких родителей! (Матильде.) Апельсин — ты обещала принести? Hé, ton chien t'appelle!² (Гавкает.)

МАТИЛЬДА. (Смягчившись, смеется). Ecoutez-le donc! — ce vieux farceur!³ (Уходит и возвращается с надрезанным в виде кувшинки апельсином.)

Тем временем Гейне сползает на край постели, так, что нижняя часть его туловища оказывается на полу.

Что ты делаешь? Я принесу!

¹ Что за нелепая мысль! — Сумасшедший! (фр.).

² Эй, твоя собачка зовет тебя! (фр.).

³ Послушайте его, этого старого шута! (фр.).

ГЕЙНЕ. Посади меня в кресло. Не могу же я принимать Кампе в постели!

Матильда откладывает апельсин, берет Гейне на руки, как раньше это проделал Секретарь.

ГЕЙНЕ (*прижимается к ее груди*). Телочка моя, ангел!

Матильда усаживает Гейне в кресло и подкладывает ему под голову большую белую подушку (Гейне издает при этом эффектные стоны), затем приносит ему пюпитр и протягивает апельсин. Гейне высасывает сок из надреза.

МАТИЛЬДА. Voilà, mon pauvre toutou!¹ Нравится?

ГЕЙНЕ. Parfait, mon ange!² Будь с Кампе любезней, по-кокетничай с ним немножко!

МАТИЛЬДА. Я буду осторожна!

ГЕЙНЕ. И приготовьте что-нибудь повкуснее! После сытного обеда трудно сказать «нет». Постарайтесь расположить его ко мне! Сделайте ставку на его желудок!

МАТИЛЬДА. Он не собирается с нами обедать.

ГЕЙНЕ. Вот как? Что бы это значило? Приготовьте жаркое из говядины! С картошкой! Или палтус! И не забудь шампанское! Принесешь, как только я позвоню. Положи мне еще одну подушку, под руку. Это его больше разжалобит!

МАТИЛЬДА. Вообще-то я собиралась прогуляться.

ГЕЙНЕ. Речь идет о шести... — десяти тысячах марок!

МАТИЛЬДА. Ах, шесть тысяч! Кашемировая шаль стоит всего шестьсот, притом франков, Анри! Я сегодня видела как раз то, что нужно! Просто прелесть! Ты же не заставишь меня воровать? Останусь, но с уговором: ты мне ее купишь! Согласен?

ГЕЙНЕ. Кампе с минуту на минуту должен быть здесь. Который час?

МАТИЛЬДА. Кампе, Кампе, только и слышно: Кампе! Словно больше не о чем поговорить!

ГЕЙНЕ. Я должен довести его до кондиции. Может, подложить еще одну подушку, под ноги? Когда он собирался прийти?

МАТИЛЬДА. В половине пятого, в пять. Но жара еще не спала.

¹ Ну вот, мой бедный гав-гав! (*фр.*).

² Превосходно, мой ангел! (*фр.*).

ГЕЙНЕ. Верно. Открой еще одно окно. Воздух здесь — топором не разрубишь! Давно следовало проветрить!

МАТИЛЬДА. (*открывает окно*). Шаль, посмотри, вот такой длины! Почти до пола.

ГЕЙНЕ. Если она подчеркивает твои прелести, — пожалуй, купи! (*Немного помолчал.*) Или все-таки лучше перебраться на кровать? Это произведет более сильное впечатление.

МАТИЛЬДА. На улице Риволи! Если я добавлю свои сбережения, на шаль хватит.

ГЕЙНЕ. Не стой истуканом. Отнеси меня на кровать, и я тебе за это заплачу.

МАТИЛЬДА. Ах, мой золотой... (*целует его*) ...mon coso!¹

ГЕЙНЕ. Речь идет лишь о серебре! (*Крепко держится за Матильду, которая несет его на кровать. Стонет.*) Спиши! И судороги в ногах! Дай мне морфию. Несколько капель!

МАТИЛЬДА (*отсчитывает несколько капель в ложку*). Вот, возьми!

ГЕЙНЕ (*тем временем достает из-под подушки кошелек красного цвета*). И ты тоже! Пусть будет сто. Доставь себе удовольствие! И мне заодно! Сам я уже ни на что не гожусь.

Матильда достает несколько монет.

Это задаток, принесешь ее сюда посмотреть.

МАТИЛЬДА. Я уже кое-что внесла. Такой случай! Ей, в самом деле, цены нет!

ГЕЙНЕ. А теперь пошли за Лорелесей, что была здесь утром! Пусть меня искупает! Посмотрим, на что она способна! — Но прежде дуэль с Кампе!

МАТИЛЬДА. Я велела сиделке прийти к шести часам. Она останется на ночь.

ГЕЙНЕ. Какая приятная новость! А Кампе все нет. Вам следовало давеча разбудить меня!

МАТИЛЬДА. В твоем состоянии? — Кампе придет. А пока я почитаю тебе вслух.

ГЕЙНЕ. Дюма?

МАТИЛЬДА. Что пожелаешь!

ГЕЙНЕ. Дюма. Сядь сюда. Ну же!

Матильда достает с полки книгу и садится на стул.

¹ Мой Косо! (*фр.*).

Картина четвертая

Матильда все еще читает вслух. Гейне не выпускает ее руки. Спустя какое-то время раздается звонок.

ГЕЙНЕ. Это он!

МАТИЛЬДА. Я его встречу.

ГЕЙНЕ. Подложи еще одну подушку. Сюда! — Ведь у меня сегодня прием! Будет лучше, если ты оставишь нас одних!

МАТИЛЬДА. Подобные беседы утомляют меня больше плохого выступления на ипподроме. *(Выходит, свистнув Попугая, который пристально смотрит на нее.)*

ГЕЙНЕ *(при виде Кампе демонстрирует слабость, протягивая ему правую руку, а левой открывая веко)*. Какая радость, дорогой Кампе, что вы, наконец, здесь!

КАМПЕ *(трясет ему руку)*. Виноват, дорогой Гейне, немного задержался. Но чем дольше разлука, тем приятнее встреча.

ГЕЙНЕ. Неужели вы? Наконец-то! Три года ни признака жизни!

КАМПЕ. К чему взаимные упреки? Лучше перейдем сразу к делу.

ГЕЙНЕ *(вздыхает)*. Уже перешел!..

Пауза.

ПОПУГАЙ. Bonjour!¹

КАМПЕ. Ба, здесь кто-то есть?! Bonjour, monsieur le maître!² *(Кланяется и снова поворачивается к Гейне.)*

ПОПУГАЙ *(неожиданно)*. Merci!³

Кампе и Гейне смеются. Лед сломан.

ГЕЙНЕ. Сделайте одолжение, сядьте сюда, а то я скверно слышу на это ухо!

КАМПЕ *(садится)*. Благодарю. А как поживает наш Лазарь?

ГЕЙНЕ *(вдыхая)*. Полуслепец, полумертвец! Лежу и терпеливо ожидаю конца.

КАМПЕ. Конца? Новой книги! И не хуже этой. Я специально захватил ее для вас. «Генрих фон Клейст», сочинение Бюлова. *(Разворачивает книгу.)*

¹ Добрый день! *(фр.)*.

² Добрый день, мосье хозяин! *(фр.)*.

³ Спасибо! *(фр.)*.

ГЕЙНЕ. Превосходно, замечательно, дорогой Кампе! Но вам придется прочесть ее вслух. Бывают дни, когда я вообще ничего не вижу. А если к тому же и голова раскалывается на части... и нервы, словно острые шипы — что за мысли способны родиться в таком аду? Бесконечная прелюдия смерти! У меня отказали ноги, я едва различаю свет, разве можно назвать это существование человеческим? Прикован к постели! Будто к скале, — какой из меня Прометей!

Кампе развернул книгу и листает ее.

Ночные мучения Иова! Боли и спазмы такие, что я готов вылезти из кожи и, воспарив, созерцаю, живой дух, свое бедное, немощное тело. Случается, боль не отпускает сутками! Так и хочется воткнуть нож в ребра и положить конец дикой пытке!

Непродолжительная пауза.

Вспомните только Гюнтера, Бюргера, Ленца, Генриха фон Клейста, Гельдерлина, несчастного Ленау — какое-то проклятие лежит на немецких поэтах!

Непродолжительная пауза.

Я как раз в том возрасте, когда немецкому поэту положено умереть.

КАМПЕ. Гм, гм —

ГЕЙНЕ. Отчего человек обречен на такие страдания! *(Поднимает веко и смотрит на Кампе.)* Если бы не жена с попугаем, я, да простит мне господь, подобно римлянину положил бы конец ночным кошмарам!

КАМПЕ. Неужели все так ужасно? Я ожидал встретить призрак, а вижу перед собой здравомыслящего Гейне!

ГЕЙНЕ. Как посмотреть! Я теряю зрение, и подобно соловью, буду петь теперь еще лучше! Не так ли? Такой пустяк! Парализованы ноги? Можно утешать себя тем, что есть руки. А тот, кто их лишен, волен уповать на воображение! Parfait¹, дорогой Кампе! Но что с того? В лучшем случае история моих страданий послужит рекламой для полного собрания сочинений, на благо Кампе и моей жены. Кстати, как с этим обстоят дела?

¹ Отлично, *(фр.)*.

КАМПЕ (*встает и откладывает книгу*). Вот я и задержан с личным! Всеу свое время, дорогой Гейне, потерпите! А пока примите приветы от домашних!

ГЕЙНЕ. Из дома! Самое время! Как дела в Гамбурге? А моя матушка, что подельвает моя матушка? А сестра? Ну же, Кампе, а ваш малыш? Вы привезли письма? Есть что-нибудь от матушки?

КАМПЕ. Писем нет, она велит вам кланяться и желает, чтобы вы поскорее поправлялись, скоро она сама вам напишет. Ей хочется с вами повидаться, но возраст дает о себе знать; впрочем, она еще довольно крепка, хотя и не настолько, чтобы путешествовать!

ГЕЙНЕ. Мы не виделись семь лет! И, наверно, больше не свидимся! Боже мой! Хочет со мной повидаться! И что бы она здесь узрела? Живой труп!

КАМПЕ. Вы говорите это с чистой совестью, дорогой Гейне?

ГЕЙНЕ. Предпочел бы иметь гнилую, если впридачу получу хорошее здоровье!

КАМПЕ. Не гневите бога! У вас довольно сил, и вы подарите миру еще не одну книгу! Вспомните о своем кузене, бургомистре Галле. И видит, и слышит, а пребывает в животном состоянии. Кому вы завидуете?

ГЕЙНЕ. Здоровым, Кампе, вашему маленькому сынишке, — который и видит, и бегаёт, и смеется!

КАМПЕ. И тянется к солнцу!

ГЕЙНЕ. Наследник! А у меня никого нет. Так вот, дорогой Кампе!

ПОПУГАЙ. Cahampe!¹

ГЕЙНЕ. Eh, tais-toi², не суй нос в чужие дела!

КАМПЕ (*оборачивается*). Смотри-ка! Ну, и как же тебя зовут?

ПОПУГАЙ. Tais-toi!³

ГЕЙНЕ. Да замолчи же ты! Пустозвон!

КАМПЕ (*обращаясь к Гейне*). Хороший поэт не может пожаловаться на отсутствие потомков. Причем бессмертных!

¹ Кахампе (*фр.*).

² Эй, заткнись, (*фр.*).

³ Заткнись! (*фр.*).

ГЕЙНЕ. И запрещенных! А несчастный беглец в личине тощего одноглазого Ганнибала влачит жалкое существование на тюфяке.

КАМПЕ (*переходя к делу*). Веерт говорит, вы недавно вгорячах что-то сожгли. Это правда? Или... вы переметнулись к Котте? Вам известно, что по контракту у меня перед ним преимущественное право. И что именно имел в виду Веерт? Поговаривают о каких-то мемуарах!

ГЕЙНЕ. Верно, я поймал тут кой каких тварей: надутую жабу, подлую гадюку, омерзительного солитера — и заспиртовал. Сплюшь гримасничающие рожи в отвратительных позах! Одним словом, — зверинец. Как их теперь выпустить? Семья сидит у меня на шее, вернее, отрекается от меня, и я опять без гроша в кармане. Или Юлиус Кампе назначит мне пожизненную пенсию, в которой мне было отказано?

КАМПЕ. Тогда порадуите чем-нибудь другим! — Вы много работаете! Наверняка у вас кое-что припрятано! В Германии теперь настоящий сыскной бум! Хотел бы я знать, чем увенчается обыск у Гейне! Словом, выкладывайте!

ГЕЙНЕ. Могу показать новый томик стихов, но не рассчитывайте получить его за так, иначе...

КАМПЕ. Не завинчивайте гайки... — А то ведь и за золото можно переплатить!

ПОПУГАЙ. Merde!¹

ГЕЙНЕ. Заткнись! (*Звонит.*) Мерзавец!

КАМПЕ. Оставьте его в покое, он меня забавляет!

МАТИЛЬДА (*улучив минуту, быстро вносит поднос с шампанским и бокалами*). Un cru extraordinaire! Voilà!² Сколько будем обмывать? На шаль хватит?

ГЕЙНЕ. Mais qu'est-ce que tu dis!³ Займись-ка лучше попугаем! Забери его отсюда, он неприличен сверх меры! Унеси его к себе в комнату!

МАТИЛЬДА. Разве не пора поднять бокалы?

ГЕЙНЕ (*в ярости*). Пора поднимать общественность! Убери его, и оставь нас еще на полчаса.

¹ Дерьмо!

² Особый сорт! Вот! (*фр.*).

³ О чем ты говоришь! (*фр.*).

МАТИЛЬДА (*птице*). Mon pauvre Coco, on t'exile!¹ (*Уносит Попугая.*)

КАМПЕ. Ваша жена права. Надо на чем-то сойтись. Стало быть, стихи! Можно взглянуть?

ГЕЙНЕ. Что вам показать? Я пишу длинно и с дальним прицелом. Вообразите, каково диктовать с моим-то зрением, да еще сыщику вместо секретаря! К сожалению, рядом нет надежного человека, скажем, Экермана, как у Гете! Увы! Понимаете, дорогой Кампе, какой опасности я себя подвергаю?! А вдруг он сделает копии с моих стихов, пошлет их в Германию и продаст! С письмами тоже приходится быть начеку. Стараюсь диктовать их разным людям!

КАМПЕ. Ваш секретарь подосланный прусский шпион? Доверия он, во всяком случае, не вызывает!

ГЕЙНЕ. Придется его уволить, видит бог. Вот почему еще не все переписано, половина лежит здесь (*указывает на ночной столик*) в черновиках.

КАМПЕ. Я мог бы прислать вам кого-нибудь понадежнее, моего друга Гати, к примеру. А что здесь?

ГЕЙНЕ. Романсы, ламентации, еврейские мелодии — еще не решил окончательно, в каком порядке их расположить. Обворожительная музыка моих страданий! Капли крови, облеченные в стихотворную форму!

КАМПЕ. Надо бы посмотреть, послушать, глупо покупать кота в мешке!

ГЕЙНЕ. Как? Разве «Книга песен» для вас недостаточная гарантия? Неужели она мало снесла вам золотых яиц? Возможно, не так много, как за последние три года другие несушки вашего издательства! Воистину, бессмертные монументы духа, «Хелефеи и Фелефеи», пока его не испустят! Вы совершили большую ошибку, когда проигнорировали мои крики о помощи! Тем не менее, премного благодарен за полученные книги.

КАМПЕ. Ну, будет, будет, прочтите же что-нибудь, наконец!

ГЕЙНЕ. Что именно?

КАМПЕ. Скажем, что-нибудь из «Ламентаций»!

ГЕЙНЕ. Получите ли вы понятие о целом по маленькому отрывку?

¹ Мой бедный Коко, тебя отправляют в ссылку! (*фр.*)

КАМПЕ. Не сомневаюсь.

ГЕЙНЕ (*после краткого раздумья вполголоса декламирует*)

Духовная

Близится конец. Итак —
Вот моей духовной акт.
В ней по-христиански щедро
Награжден мой каждый недруг.

Вам, кто всех честней, любезней,
Добродетельнейшим снобам,
Вам оставлю, твердолобым,
Весь комплект моих болезней:

Колики, что, словно клещи,
Рвут кишки мои все резче,
Мочевой канал мой узкий,
Гнусный геморрой мой прусский.

Эти судороги — тоже,
Эту течь мою слюнную,
И сухотку вам спинную
Завещаю, волей божьей.

К сей духовной примечанье:
Пусть о вас навек всеместно
Вытравит отец небесный
Всякое воспоминанье!¹

(*Тихо*). Получилось.

КАМПЕ (*приблизившись к нему*). Сколько страсти! Это называется выстрадать свои деньги!

ГЕЙНЕ. И много дадите?

КАМПЕ (*оживляясь*). У вас есть что-нибудь еще? Ведь наверняка есть! Ну-ка, выкладывайте!

ГЕЙНЕ (*делает вид, что не может пошевелиться*). Возьмите, там, на ночном столике.

КАМПЕ (*подходит к ночному столику и берет лежащие там листки бумаги; прищуривает глаза, держа бумагу на*

¹ Духовная. Пер. А.Пеньковского // Гейне Г. Собрание сочинений: в 6-ти томах / Под общ. ред. А.Дмитриева, А.Карельского, Е.Киншпович. Т. 2. М., 1981. С. 105.

расстоянии, чтобы лучше разглядеть, что там написано, затем подходит к окну, машинально ощупывая карманы в поисках очков; читает про себя)

Кто имеет много благ,
Тем, глядишь, еще дается.
Кто лишь малым наделен,
Тот с последним расстается.¹
А уж если гол и бос,
Лучше саван шей заране.
Тот имеет право жить,
У кого звенит в кармане.²

Так! ... *(Пробегая глазами дальше по тексту)*

На милой, земной этой кухне когда-то
Вдыхал я все запахи, все ароматы.³

...Так, так.

Нет совершенства в существах земных,
Есть розы, но — растут шипы на них...⁴

Разумеется, разумеется... Ага:

В латыни слаб и самый умный бык,
Как Массман наш. Канова был велик,
Но он Венере сплющил зад. И схожа
С обширным задом Массманова рожа.⁵

Ну, Гейне!.. *(Смеется.)* Послушайте, разве это актуально?
И опять Массман?

ГЕЙНЕ. Господи! Я старый человек, мне уже поздно обзаводиться новыми приятелями. На мой век достанет старых оболтусов. Массман — доходный глупец!

КАМПЕ. Доходный! И сколько вы за него просите?

ГЕЙНЕ. Как за мраморную глыбу! Третий столп моей поэтической славы и вашего издательства, любезный Кампе. Шесть тысяч, и все в вашем полном распоряжении.

КАМПЕ. Шесть тысяч? Вы перегибаете палку!

¹ Ход жизни. Пер. В.Левика Там же. С. 91.

² Там же. С. 92.

³ Оглядка. Пер. Л.Гинзбурга. Там же.

⁴ Несовершенство. Пер. В.Левика. Лазарь. Там же. С. 95.

⁵ Там же.

ГЕЙНЕ. Вовсе нет! Плод трехлетних усилий! Адский труд! Стихи, пропитанные моей кровью!

КАМПЕ. А потом все равно запретят. Рискованная сделка, судья!

ГЕЙНЕ. Вы не правы, дорогой Кампе! Я больше не играю в политику, немножко сатиры, и все.

КАМПЕ. Гейне без политических коготков! Я не ослышался?

ГЕЙНЕ. Регулярный стул для меня важнее! Можете не сомневаться, Кампе! Французские порядки меня только забавляют. А печальные вести из Германии вызывают всякий раз спазмы! И потому я не в силах повлиять на ситуацию! Да и меняется ли вообще что-либо? Республика — всего лишь попытка сменить декорации, революционная фраза. Разве можно так быстро излечить насквозь коррумпированное, ленивое общество? Делать деньги, гоняться за чинами, жить на широкую ногу, спешить с одного увеселения на другое, — вот идеал, которому продолжают поклоняться! В Париже, поверьте, по-прежнему властвует Наполеон, — я имею в виду, Наполеондор!¹ *(Самодовольно смеется своей шутке.)*

Непродолжительная пауза.

Возьмите столпов общества! Стадо быков! Ничего не могу добавить к словам французского унтер-офицера. Старик наблюдал сдачу быков. Поставщик Леви умудрился выдать сто голов за триста. Чтобы скрыть недостачу, устроил дело таким образом, что одних и тех же животных через одни ворота выводили, а через другие возвращали назад. В конце концов, принимавший товар майор засвидетельствовал триста голов, а старый вахмистр, наблюдавший эту сцену, только качал в изумлении головой: ей-ей, быки одни и те же! Вот и мне, дорогой Кампе, тоже кажется, будто я вижу здесь тех самых быков! А в Германии разве по-другому? Что у вас нового, кроме черно-красно-золотистого флага? Переполненные тюрьмы! До меня доходят слухи, будто люди переделывают свои дома под казематы, чтобы облегчить правительству работу! Ах, да, моя родная Германия — образец законопослушания! Об этом я как-то забыл.

¹ золотая монета *(фр.)*.

КАМПЕ. И о том, что цензура стала намного действеннее. Прежде запрещали почти все, за редким исключением. Теперь мало что запрещают, поэтому правила игры соблюдаются строже! Возьмем, к примеру, Пруссию: если уж что-то конфискуют, то обдерут до последней нитки. Шесть тысяч — слишком большая сумма!

ГЕЙНЕ. Самые ядовитые цветы я вырвал с корнем —

КАМПЕ. А Массман все-таки остался!

ГЕЙНЕ. И с полным на то основанием! Было бы неблагодарным с моей стороны бросить беднягу под старость лет на произвол судьбы. Ведь он столько лет служил мне верой и правдой! Кто еще о нем вспомнит?

КАМПЕ. Немецкая публика пребывает не в лучшем расположении духа: скулит по поводу реставрации, оплакивает поражение революции и страшно запугана. Похмелье в чужом пиру стократ тяжелее. Да и кто он вообще этот Массман, — скажут люди, — почему Гейне о нем так печется? Мнение публики, дружище, надо учитывать! Массман отжил свое и годится разве что для праздника тела Христова.

ГЕЙНЕ. Замечательно! Лучшего применения не придумаешь.

КАМПЕ. Но вы же знаете критику! Дайте борзописцам малейший повод, и вся шайка завопит в унисон. Так и норвят ударить побольнее! Справедливо это или нет, в литературе не щадят ни отца ни матери — о снисхождении даже и не мечтайте, голову снесут! И гори синим пламенем молодое поэтическое семя.

ГЕЙНЕ. И с этим мирится сам Кампе? Какое малодушие! Добавьте шампанского в ваши речи, Кампе, откройте бутылку, я составлю вам компанию! За боевой дух, былой и грядущий! Выкурим шильдбюргеров из их вонючей Шильды. Последнюю строфу могу вычеркнуть!

КАМПЕ. Я подумаю над вашим предложением. *(Открывает бутылку.)* Стихотворение хорошо вписывается в общий состав. Вы уже придумали название?

ГЕЙНЕ. «Романсы», пожалуй, и, как антитеза, ... возможно, «Ламентации». Я еще не принял окончательного решения. Может быть, у Кампе рождаются свежие мысли? Удачный ход — и книга обретает крылья!

КАМПЕ *(наливает по бокалу)*. Если цена не будет кусаться! *(Протягивает Гейне полный бокал)*. Тот делает вид,

что не может его взять. *(Подносит бокал ко рту Гейне и осторожно чокается с ним.)* Гейне делает глоток и берет бокал в руку.

(С жадностью осушив бокал). Истина на дне! — Последуем примеру Гете: первый залпом, второй — с удовольствием и не спеша! *(Снова наполняет свой бокал.)*

ГЕЙНЕ. Вы, дражайший Кампе, не настолько бедны, чтобы рассчитывать на немедленный сбыт для покрытия издержек!

КАМПЕ *(садится, сохраняя невозмутимо приветливое выражение лица и продолжая испытывать терпение Гейне)*. Шесть тысяч — бешеные деньги!

ГЕЙНЕ. Я вовсе не собираюсь вас грабить! Я включил в сумму только самое необходимое: стоимость изготовления книги и мой адский труд. А как вы хотели? Вы, верно, полагаете, стихи сыплются из меня, как из рога изобилия? Нет нужды вам это объяснять! И, кроме того, я блюду ваши интересы! Вы приобретаете права на все последующие тиражи, можете включить книгу в полное собрание сочинений, от которого мне уже ничего не достанется. Разве этого мало?

КАМПЕ. Для кого? — Гейне, вы давно не были в Германии: старикам подавай что-нибудь созерцательное, а молодежь боится отстать от моды. Вы немного обветшали!

ГЕЙНЕ. Неужели? Верно потому пол-Германии толпится у меня в комнате? Паломничество, как в Мекку! Все оттого, что я вышел из моды?

КАМПЕ. Вы забываете о тиражах!

ГЕЙНЕ. Превосходно! Просто замечательно! Вот, стало быть, ради чего вы приносите себя в жертву! Кампе в роли законодателя моды для всего человечества! Та книга, что вы мне прислали, хорошее тому подтверждение! Предложите мне сразу условием сделки подписку и комиссионное вознаграждение! Это несерьезно! Почему, вы полагаете, я хранил вам верность все эти годы? Ведь были более заманчивые предложения!

КАМПЕ *(невозмутимо, смакуя шампанское)*. Я предлагаю неплохую сделку! Пять тысяч на бочку, к примеру, и дело в шляпе. Необходимая сумма у меня с собой!

ГЕЙНЕ. Так-то вы цените мой труд! Мой дух скован тисками подлого больного тела, каждая строчка стоит мне адских усилий! *(Опрокидывает бокал.)*

КАМПЕ. Подумайте, в какую сумму мне обходится бумага, печатание тиража и прочие мелочи!

ГЕЙНЕ. А я, по-вашему, торгуюсь из-за пары старых штанов? Ах, Кампе, если бы вы верили в бога, хотя бы один день, совесть не позволила бы вам обходиться со мной так жестоко!

КАМПЕ. Это что-то новое! Похоже, немецкие газеты не врут, Гейне стал святошей!

ГЕЙНЕ. Зачем вы так? Ни ханжой, ни святошей я не стал, мной всего-навсего овладела тоска по вышним идеалам! Да, вернулся к богу — как блудный сын! Однако меня не представлял ему ни священник, ни раввин. Я сам явился пред его очами, и он хорошо меня принял. Исцелил мою душу. О, если бы ему удалось исцелить и мое тело!

Непродолжительная пауза.

Да, я пришел к убеждению, что здоровые и больные молятся разным богам. Здоровый человек не приемлет христианство с его проповедью смирения и воздержания. Для больного же, уверяю вас, это — благо. Да простит всевышний мое богохульство, я, по крайней мере, могу вопить о помощи; атеисту же в подобной милости божьей просто-напросто отказано! Нет, не подумайте, что я святоша! Но, если вы больны, и у вас отсутствуют деньги, здравомыслие и любовь, вам открыты врата храма. *(После непродолжительного раздумья.)* Опium — тоже религия. Когда на мои больные раны сыплют немного серого порошка, боль тут же уходит. Не того ли самого свойства благотворное воздействие религии? Мои физические силы на исходе. Разве я не заслужил облегчения?

КАМПЕ. Обывательское малодушие!

ГЕЙНЕ. Не вменяйте мне это в вину. Немецкий народ в лихую годину вспоминает о короле. Почему же мне должно быть отказано в праве любить своего бога? Да, когда я был счастлив, когда Кампе или барон Котта баловали меня гонорами, — неважно, что их хватало лишь на то, чтобы покрыть долги, — и когда я мог себе позволить развлечься у Мабий и Валентино, — в те времена мне не было нужды молиться богу.... Но теперь Иегова бросил меня на этот матрац, как когда-то Иова, чтобы испытать, и, как у бедного Иова, все забрал — кроме жены! А Кампе отваживается теперь изображать от его имени скупердяя. Молю бога, чтобы он даровал вам, дорогой Кампе, больше великодушия и щедрости.

КАМПЕ *(смеется)*. Продолжайте, продолжайте, уже горячо! И не только от шампанского! Еще бокальчик? *(Наливает Гейне, а потом себе.)*

ГЕЙНЕ. Небесный издатель выплачивает своим адептам дополнительный гонорар: бессмертие души! Вот вам прекрасный образец для подражания.

КАМПЕ. Уговорили, даю пять пятьсот! А в бессмертие я не верю.

ГЕЙНЕ. Даже в мое? Добавьте еще пятьсот!

КАМПЕ. С какой стати?

ГЕЙНЕ. Подумайте о поэзии!

КАМПЕ. Может быть, о деле?

ГЕЙНЕ. Среди сочинителей больше мучеников, чем среди святых. История литературы любого народа — это история сплошных мытарств. Нищета и страдания — вечные спутники поэта! Аполлон — отличный бог, но он принуждает своих служителей приносить себя в жертву на алтаре. А когда обыватель читает их жития, он похлопывает себя по жирному животу и находит вполне естественным, что бедные пииты мрут с голоду, как мухи. Убежден, что поэт подобен соловью, который поет тем слаще, чем лучше его кормят. Бедность душит гений!

КАМПЕ. Не ворошите старое бельё!

ГЕЙНЕ. А вдруг там затерялись золотые монеты? *(Немного помолчав)*. Вы больше теряете, когда принуждаете меня торговаться с вами из-за сотни-другой марок. У меня испортилось настроение, и я не смогу закончить книгу, а вы останетесь без прибыли. Вам не кажется, что публика вас не поймет, когда узнает, что ничтожное расхождение по поводу гонорара тому виной? Или, в лучшем случае, сочтет глупцом!

КАМПЕ. Узнает? Это от кого же?

ГЕЙНЕ. Ах, готовый фарс — единство времени, места и глупости! Запрячу-ка я книгу подальше и распоряжусь, чтобы она вышла только после моей смерти! *(Спокойнее.)* Мне вовсе не хочется огорчать вас, дружище! И не только потому, что вы понесете убытки из-за отсутствия в собрании сочинений некоторых вещей. Вас будут терзать угрызения совести, что из-за какой-то пустячной суммы вы омрачили последние минуты умирающего. Должно быть, вы ждете не дождетесь моей смерти! Когда я, наконец, переберусь из адской могилы

на улице д' Амстердам в вечное пристанище на кладбище Монмартр. Да, дражайший Кампе, моя смерть — залог вашего крупнейшего успеха на книжном базаре!

КАМПЕ. Ошибаетесь! Ваша жизнь мне дороже. Вы еще напишете не одну книгу, дорогой Гейне.

ГЕЙНЕ. В таком случае не омрачайте моих последних минут!

КАМПЕ. Еще не вечер! Поговорим об этом завтра. В вас вселился какой-то бес!

ГЕЙНЕ. Теперь и немедленно! Мне необходимо снять с себя этот груз! Он мешает мне работать. Послушайте! Я напишу вам еще десять стихотворений и послесловие! Так вам легче будет расстаться с пятьюстами марками. Можете вставить еще поэму о Фаусте! Скажите «да», и мы обсудим название и состав сборника.

КАМПЕ. Я свой шаг сделал! Очередь за вами!

ГЕЙНЕ (*со вздохом опускается на подушку*). Вы — орешек покрепче Брокена с Гарца! А в моем мозгу половина клеток уже мертва. Чем смягчить это каменное сердце? Какая пытка!

КАМПЕ. Выпейте еще глоток, вам станет легче.

ГЕЙНЕ. Легче? Я лежу здесь мертвым грузом, за мной требуется уход! Одни расходы на морфий за год! Да что там за год? За один день! Будьте добры, посыпьте мне немного в рану на затылке из этого пузырька! Сегодня боль решила меня доконать! (*Указывает на пузырек*.)

КАМПЕ. Как?! В рану?! Я?!

ГЕЙНЕ (*звонит*). Ее специально для этого выжгли!

МАТИЛЬДА (*входит*). О, уже обмываете! И ты, мошенник, заставляешь меня томиться за дверью!

ГЕЙНЕ. Кампе меня маринует! Пожалуйста, посыпьте на спину, все тело болит!

МАТИЛЬДА. Oh, mon pauvre toutou, couche-toi que je te console!¹ (*Берет его бокал, залпом выпивает содержимое, затем достает пузырек и сыплет из него в рану на затылке Гейне*.)

Кампе отворачивается.

¹ О, мой бедный гав-гав, приляг, я тебя утешу! (*фр.*).

Достаточно? (*Чешет ему под подбородком*.)

ГЕЙНЕ (*стоит*). J'en ai plein le dos!¹

МАТИЛЬДА. Позвать врача?

ГЕЙНЕ. Сейчас полегчает. Принеси нам немного печенья. И еще одну бутылку!

МАТИЛЬДА. Может быть, господин Кампе все же останется? Обед почти готов: палтус в винном соусе и чудные устрицы на закуску! Жаркое из говядины с картошкой!

КАМПЕ. Устрицы?! (*Его передергивает*.) Палтус — это хорошо! О жарком и вовсе молчу! Но у меня назначена встреча. Пожалуй, завтра, либо послезавтра!

ГЕЙНЕ. Завидное упрямство! Настоящий немецкий характер, твердокаменноверноподданнический.

КАМПЕ. Это говорит Гейне, невинный агнец с ястребиным клювом!

ГЕЙНЕ. Слышишь, как он меня извращает? Немедленно принеси попугая, пусть он его хорошенько отделает! — Да, да, я не шучу!

МАТИЛЬДА (*уходя*). Бутылку тоже?

КАМПЕ. Благодарствую, без меня. Я больше не осилю!

ГЕЙНЕ (*подождав, пока Матильда выйдет*). Кампе, прошу вас, добавьте пятьсот марок. Они мне нужны, а взять больше негде! Болезнь пожирает почти все, остальное — моя жаднолюбивая прожигательница.

КАМПЕ. Не хочу прослыть чудовищем. Вместе с обещанными рукописями — шесть тысяч!

ГЕЙНЕ (*вздыхая*). Господи, отчего не сразу! (*Откидывается назад*.) Теперь можно отдохнуть! Как после восхождения на Броккен! (*После непродолжительного раздумья*.) Вот видите, моя молитва все же возымела действие!

КАМПЕ. Дайте мне все, что у вас переписано набело. Я просмотрю это до завтрашнего дня и пришлю к вам Гати, чтобы вы смогли продиктовать остальное. Потом обсудим название. Состав определите сами.

ГЕЙНЕ. Прошу вас, печатайте книгу на хорошей плотной бумаге. И разместите на странице как можно больше стихов. У меня врожденный страх перед пустотой. Не хочу, чтобы читатель принял меня за пустышку! И, пожалуйста, дорогой

¹ Того гляди, лопнет! (*фр.*).

Кампе, захватите завтра немного крысиного яду, только так, чтобы не увидела жена!

КАМПЕ. Крысиного яду? Для чего?

ГЕЙНЕ. Для крыс! Днем они прячутся в норах, а по ночам, видите ли, карабкаются по стенам, по моей кровати, даже осмеливаются заползти на лицо, отдыхают в волосах, и я не могу пошевелиться!

КАМПЕ. Крысы здесь наверху? В подвале, в каналах, еще куда ни шло. Вы все выдумали!

ГЕЙНЕ

Но тут в партер из-за кулис,
Шурша, метнулась пара крыс!¹

КАМПЕ. Хорошо придумано! Вы, верно, сами крыса. В Пруссии живо оказались бы в ловушке. Там отличные крысоловы! Бьюсь об заклад, ваш секретарь — один из них! Он вообще не Рихтер! — Но я в таких делах не помощник.

ГЕЙНЕ. Не бойтесь! Видите? *(Вытаскивает из-под подушки кинжал.)* На случай, если боль станет невыносимой. Яд, если весь пузырек сразу, тоже подействует молниеносно! Но миг блаженства подождет. Шаг должен быть хорошо обдуман! Самое жалкое земное существование для меня пока предпочтительней небесных радостей. Да, да, прекрасный Ахилл отлично знал, почему лучше оставаться слугой на прекрасной земле, чем стать властелином в царстве теней. Не бойтесь, принесите!

Матильда вносит клетку с Коко.

КАМПЕ. Но зачем?

ГЕЙНЕ. К примеру, для... Пест!

МАТИЛЬДА. Мое сокровище, он совсем сбит с толку. И так напуган! *(Опять принимается сюсюкать с Попугаем.)* Ah, il me pique le doigt!² Ах ты, маленький кусака! Mais pas si fort! Pas trop, pas trop!³ *(Уходит и возвращается с бутылкой шампанского.)*

¹ Она погасла. Пер. И.Елина // Гейне Г. Собрание сочинений: в 6-ти томах / Под общ. ред. А.Дмитриева, А.Карельского, Е.Книпович. Т. 2. М., 1981. С. 105.

² Ах, он укусил меня за палец! *(фр.)*.

³ Не так сильно! Потихше, потихше! *(фр.)*.

ГЕЙНЕ. И еще: не говорите матушке о моем плачевном положении!

КАМПЕ. Она давно всё знает.

ГЕЙНЕ. Не от меня. Я не отважусь причинить ей такую боль.

КАМПЕ. Признаюсь, мне кажется несправедливым обманывать мать. Она достаточно проницательна, чтобы понять, где истина, где ложь. Последняя зачастую оказывается больнее самой жестокой правды. Нет, и здесь я не могу быть вам полезен.

МАТИЛЬДА *(ставит бутылку на стол)*. Чтобы отпраздновать, у меня есть еще. Я устала ждать!

ГЕЙНЕ. Матильда, теперь можно. Мы договорились.

МАТИЛЬДА. Comment!¹ У меня будет шаль? Incroyable! Monsieur Campe, vous mériteriez une médaille!² И, разумеется, бокал шампанского.

ГЕЙНЕ. На что ему медаль? Его больше устроит проданный тираж.

КАМПЕ. Ястребиное племя!

МАТИЛЬДА. Помогите открыть! Я не совсем ловкая.

КАМПЕ. Нет, нет, довольно! Я уже пьян! Мы отлично поговорили. Ухожу. *(Берет листки с ночного столика и кладет их в карман сюртука.)* Продолжайте без меня, не забудьте выпить за мое здоровье! До завтра! *(Протягивает Гейне руку.)* Опять в то же время?

ГЕЙНЕ. Пришлите ко мне утром Гати! И в полдень я покажу вам новые вещицы.

КАМПЕ. Договорились! *(Матильде.)* Благодарствую, благодарствую, я сам найду дорогу! *(Она все же провожает его.)* Встреча оказалась полезной, не так ли? Никогда не вредно поговорить с глазу на глаз. Нет, оставьте, я сам.

ГЕЙНЕ *(изображает правой рукой знак победы)*. На этот раз я перехитрил лису! *(Тянется за бокалом и видит, что тот пуст. Пытается достать бутылку, но тщетно.)*

МАТИЛЬДА *(радостная, возвращается назад)*. Слава богу, ушел! Немецкий медведь!

¹ Как! *(фр.)*.

² Невероятно! Мосье Кампе? Вы заслужили медаль! *(фр.)*.

ГЕЙНЕ (*смеется*). Великий классик Гете за всю жизнь не получил столько! А я, бедный больной, ничтожество, можно сказать, так ловко обвел вокруг пальца старую лису! Теперь можно праздновать!

МАТИЛЬДА. Mon grand escroc¹, ты его обманул?

ГЕЙНЕ. Заманил в ловушку! Наливай! Нет, дай бутылку.

Матильда протягивает ему бутылку.

И поцелуй меня!

МАТИЛЬДА (*целует его*). Ах, как же я рада, что шаль — моя!

ПОПУГАЙ (*беспокойно*). Pas trop, pas trop!²

ГЕЙНЕ. А я еще больше, моя дикая кошечка! Где палтус? Котлетка по-провансальски тоже не помешает! (*Открывает бутылку и протягивает ее Матильде, чтобы та налила ему.*)

Она наливает ему и себе по полному бокалу.

Оба жадно пьют.

МАТИЛЬДА. Палтус? Палтуса нет, это я так сказала. Но винный соус можно приготовить.

ГЕЙНЕ. Как? Ты же ему предлагала?!

МАТИЛЬДА. Просто, чтобы он знал, от чего отказывается.

ГЕЙНЕ. А у меня уже слюнки текут! (*Пытается выпить содержимое бокала.*) Ну и что же ты приготовила на самом деле?

МАТИЛЬДА. Цветную капусту, бобы, рис и телятину. Еще есть салат.

ГЕЙНЕ. А я радуюсь, как король, как прусский король! Пожалуй, лучше всего мне принять ванну. Надеюсь, это пробудит во мне аппетит. Кампе заставил меня изрядно попотеть. Открой все окна! И пусть новенькая отнесет меня в ванну.

МАТИЛЬДА. Она помогает мне на кухне, но могу послать ее к тебе!

ГЕЙНЕ. Будь добра, и объясни ей, что нужно делать.

МАТИЛЬДА. Стало быть, ты ее берешь?

ГЕЙНЕ. Разве у нас есть выбор? Приготовьте ванну. И добавьте в воду немного розмарина!

¹ Мой великий мошенник (*фр.*).

² Потихше, потихше! (*фр.*).

Матильда поспешно выпивает еще один бокал и выходит.

ПОПУГАЙ. Henri!

ГЕЙНЕ. Молчи, маленький шпион!

ПОПУГАЙ. Merci!¹

Матильда открывает дверь и пропускает в комнату Мулатку. Та приветливо улыбается, показывая при этом свои ослепительно белые зубы.

МАТИЛЬДА. Она здесь!

МУЛАТКА. Bonjour, monsieur Einé, très enchantée² —

ГЕЙНЕ (*поднимает веко и смотрит на нее*). Mais...!³

ПОПУГАЙ. Henri, merde!⁴

МАТИЛЬДА (*Попугая*). Эй, плутишка, что ты несешь?!

Картина пятая

Начало октября 1855 года. Авеню Матиньон, 3, шестой этаж. Светлая комната в два окна. Балкон с видом на Елисейские поля. Обстановка напоминает ту же, что и в 1851 году. Добавились большая, на некотором возвышении ванна, шкаф с зеркалом, несколько кресел и стульев с голубой и красной обивкой. На стенах кроме уже упомянутых гравюр портреты Гейне разных лет.

Гейне отдыхает на своем матрасном ложе, поверх которого лежит фланелевое одеяло. Ночной столик теперь справа. В непосредственной досягаемости — стопка бумаги и около двадцати отточенных карандашей. С потолка свисают две веревки, с помощью которых Гейне при необходимости меняет положение. Рядом — шнурок звонка. Гейне очень бледен. Волосы и борода у него совсем седые. Он только что закончил завтрак (выпил шоколад) и сосет дольку апельсина.

¹ Спасибо! (*фр.*).

² Здравствуйте, мосье Айне, очень рада — (*фр.*).

³ Но!.. (*фр.*).

⁴ Апри, черт побери! (*фр.*).

Матильда вносит Попугая. Она стала еще полнее, но, вместе с тем, элегантнее. На ней кашемировая шаль.

МАТИЛЬДА. Bonjour, mon vieil enfant, tu vas mieux aujourd'hui?¹ (Вешает клетку на вбитый в стену крючок.) Что-бы ты не скучал. Он тебя хорошо развлекает!

ПОПУГАЙ. Bonjour, Henri!² (Непрерывно что-то выкрикивает *ad libitum*³.)

ГЕЙНЕ. У тебя это получается несравненно лучше. Куда-то собралась?

МАТИЛЬДА. Спущусь ненадолго на Елисейские, пройду по магазинам, загляну в кафе! Потом расскажу. (Попугаяю.) Будь умницей, слышишь!

ГЕЙНЕ. Одна?

МАТИЛЬДА. С Паулиной. Да, Цихлинский сегодня не придет, сказался больным.

ГЕЙНЕ. Больным? Он должен мне помогать! С письмами, правкой! Пошли за кем-нибудь другим! Горбун, ради бога — или Мушка! Спроси у нее, сможет ли она прийти.

МАТИЛЬДА. Жить не можешь без этой курносой потаскухи! Опять захотелось ее пощупать? Ну, уж нет!

ГЕЙНЕ (смеется). Пощупать! Кого? — Она меня переводит. Заменяешь ее?

МАТИЛЬДА. Во всем!

ГЕЙНЕ. Почитай мне! Иди, сядь сюда, на стул.

МАТИЛЬДА. Чтобы вдыхать ее аромат? Вся комната провоняла! Раньше я наслаждалась твоим запахом. Она его отбила.

ГЕЙНЕ. Mais, ma biche, ma chatte, tu es jalouse!⁴

МАТИЛЬДА. А она — змея, прусская шпионка! Вот увидишь, куда она потащит твои стихи! Если явится сюда еще раз, целую неделю буду кормить тебя жарким из баранины!

ГЕЙНЕ. Глупая женщина, глупые выдумки!

МАТИЛЬДА (хватает записку с почтового столика). А это? Что это? Обманщик! Негодяй!

ГЕЙНЕ. Положи на место, немедленно!

¹ Привет, старичок с ноготок, тебе сегодня лучше? (фр.).

² Привет, Анри! (фр.).

³ По усмотрению исполнителя (лат.).

⁴ Как, моя лань, моя кошечка, ты ревнуешь? (фр.).

МАТИЛЬДА. La pute!! Bah!¹ «Умираю с тоски, хочу вас видеть!» Pas de preuve?² «Ах, люблю вас бесконечно! Ваша Мушка». О, низкий подлец! Мерзавец! Я выброшу тебя из окна! (Бросает записку на пол.)

ГЕЙНЕ (смеется). Поэта не пристало выбрасывать из окна. Впрочем, давай! Кто тебя будет кормить? Ты не получишь больше ни су! И заслуживаешь хорошей порки! Иди сюда, я тебя выпорю! Верно, истосковалась? (Бросает в нее корку, но промахивается и в ярости барабанит кулаками по одеялу.) Немедленно положи на место!

МАТИЛЬДА. Бей себя по голове — идиот!

ГЕЙНЕ. Я брошу тебя, сей же час, если не будешь слушаться!

МАТИЛЬДА. Ты? Меня?! Сама уйду! Я, я тебя брошу! Навсегда!

ГЕЙНЕ. Так вот она, твоя верность? А кто обещал никогда меня не покидать! До самой смерти. И даже собирался со мной в ад!

МАТИЛЬДА. Верно, обещала! — Но и ты тоже!

ГЕЙНЕ. Ничего подобного!

МАТИЛЬДА. Из-за... из-за какой-то продажной третьесортной девки!

ГЕЙНЕ. Тебя я тоже купил, твоя тетка просила три тысячи, и она их получила.

МАТИЛЬДА. Свинья! Я не продаюсь!

ГЕЙНЕ (с сарказмом). Неужели?

МАТИЛЬДА. Non! Cent fois non!³ (Топает ногами.) Ah, sacré menteur, avorton, monstre! Me dire ça!⁴

ГЕЙНЕ (меняя тон). Не делай из мухи слона! Что я ей дал? Ты видела, что она получила хотя бы один су?

МАТИЛЬДА (пытается казаться взволнованной). Откуда ты взялся на мою голову! (Приближается к нему в ярости.) Я сброшу тебе на голову тысячу книг!

ГЕЙНЕ (смеется). Здесь столько не наберется!

¹ Проститутка!! Ба! (фр.).

² Нет доказательств? (фр.).

³ Нет! Сто раз «нет»! (фр.).

⁴ Ах, проклятый обманщик, урод, монстр! Сказать мне такое...! (фр.).

МАТИЛЬДА. Imbécile!¹ (Комкает кашемировую шаль и бросает ее в Гейне. Потом хватает свой пустой бокал и — внезапно кусает его.)

ГЕЙНЕ. Нет, только не это! Поранишься! Перестань! Лучше об стенку! (Вне себя). Матильда, прости меня!

Матильда с силой бросает бокал об пол. Плачет и рвет на себе волосы. Затем выбегает из комнаты.

ПОПУГАЙ (взволнованно). Méchant! Merde!²

ГЕЙНЕ. Глупая история! (С силой тянет за шнурок звонка.)

Протирая глаза, входит Катарина, старая женщина в халате и платке. По всей видимости, она спала.

Катарина, мой домашний Везувий устроил извержение! Пожалуйста, присмотрите за ней и (пишет на листке бумаги печатными буквами несколько слов) передайте ей это тотчас же!

КАТАРИНА. Уф, сколько осколков!

ГЕЙНЕ. Где она? В своей комнате? (Внезапно у него начинается судорожный кашель.)

КАТАРИНА. Я принесу веник! (Берет записку и выходит.)

Гейне дотягивается до шали и кашляет в нее.

(Возвращается с длинным веником и совком). Опять кашель — вам нельзя волноваться!

ГЕЙНЕ. Можно, нельзя!..

КАТАРИНА. Скажите, чем я могу вам помочь?

ГЕЙНЕ. Пустяки!

КАТАРИНА (подметает осколки). Сколько стекла! Все вдребезги! Надо бы подтереть сырой тряпкой!

Гейне не перестает кашлять.

Я знаю очень хорошую молитву от судорог! Прочитать?

ГЕЙНЕ. Примочку на шею!

КАТАРИНА. Будет сделано! (Выходит, затем возвращается с полотенцем и раствором для примочки.) Осторожно, еще горячая! (Накладывает примочку ему на шею.) Кашель, как у дьявола! Молитва его изгонит!

ГЕЙНЕ (кивает). Читай!

¹ Дурак! (фр.).

² Злюка! Дерьмо! (фр.).

Катарина бормочет заклинание, поглаживая ему шею, после чего Гейне быстро приходит в себя.

(Вздыхая). Ваша молитва возымела действие.

КАТАРИНА. Слава богу! Семь раз за ночь. Нет, больше, уже сбилась со счета.

ГЕЙНЕ (успокаивая ее). Почти прошло. — Мое тело — неблагодарный малый! всю жизнь я только и делал, что угождал ему, и вот награда.

Катарина продолжает подметать осколки.

Мои ноги не перенесли падения королевства, а теперь очередь дошла до шеи!

КАТАРИНА. Когда болит, надо просто молиться богу!

ГЕЙНЕ. А он меня услышит? Я его подопытный кролик, он ставит на мне эксперименты, эскулап.

КАТАРИНА. Как вы можете?! (Сметает осколки на совок.) Так богохульствовать!

ГЕЙНЕ. А что я, собственно, такого сделал Иегове? За что он ниспосылает мне адские муки? Я ли не воздавал ему хвалу печатным словом? Верно дьявол оклеветал меня перед ним! Языческие боги не позволили бы себе такого отношения к поэту!

КАТАРИНА. Ну вот, наконец-то успокоились! У меня от страха сердце едва не выскочило из груди!

ГЕЙНЕ. Это от работы внаклонку. — И ведь я молюсь, Катарина, молюсь! Не далее как сегодня ночью мне снился чудесный сон. Будто на рассвете иду я по кладбищу Мон-мартр, надгробия светятся в лучах восходящего солнца, и у каждой могилы стоит по паре до блеска начищенных ботинок, сапог, полусапожек, смотря, кто внизу: женщина, девушка или мужчина. Всё, как в большом отеле, где рано утром коридорный перед комнатами путешественников аккуратно расставляет обувь. Постояльцы еще дремлют в своих спальнях, а вычищенные сапоги сияют, будто их коснулись сами ангелы. И казалось, мертвецы вот-вот воскреснут и начнут новую жизнь!

КАТАРИНА. Сон? Да ведь вы вообще не спали! А теперь вздумали нести околесицу!

ГЕЙНЕ. Нет, это вы несете. Разве я гожусь в носильщики?

КАТАРИНА (смеется). Ах вы, плут!

ПОПУГАЙ. C'est ça!¹

ГЕЙНЕ. Что ты себе позволяешь, интриган! (*Нюхает шаль и кладет ее себе на лоб.*) Где моя жена?

КАТАРИНА. Умчалась сломя голову!

ГЕЙНЕ. Без шали? А Паулина?

КАТАРИНА. Отправилась вместе с ней.

ГЕЙНЕ. Пока Коко и шаль здесь, она наверняка, не задержится. Прикройте немного шторы, очень много света.

КАТАРИНА (*выглядывает в окно*). Прекрасный осенний день!

ГЕЙНЕ. Что вы там видите?

КАТАРИНА. Голубое небо, облака. Экипажи, как всегда! А каштаны уже совсем желтые.

ГЕЙНЕ. Желтые. В таком случае, я опять немного пройду. Вчера добрался почти до Лувра.

КАТАРИНА. Как? Вы и впрямь видели сон!

ГЕЙНЕ. Ничего подобного, каждый день я делаю на шаг больше. Вчера собрался заглянуть в кафе, но, вот досада, за был кошелек под подушкой, пришлось вернуться, а на вторую попытку уже не хватило сил.

КАТАРИНА. Что скажешь, Коко?

ПОПУГАЙ. Merci...²

КАТАРИНА. Должно быть, вы и сами не верите в то, что говорите!

ГЕЙНЕ. Клянусь! — Вы напоминаете мне историю одной гризетки!

КАТАРИНА. Что еще за историю?

ГЕЙНЕ. О, неужели не слышали? — Однажды мне довелось убеждать одну гризетку, что земля вращается вокруг солнца. А, pas mal³, сказала она, mais qui vous a dit cela?⁴ — Коперник! — Connais pas, qui est cela?⁵ — Великий ученый, поляк! — ответил я. — Поляк? — прервала она меня со смехом, alors je ne le crois pas!⁶

КАТАРИНА. Вроде нашего Цихлинского.

¹ Вот именно! (*фр.*)

² Спасибо... (*фр.*)

³ неплохо (*фр.*)

⁴ но кто вам это сказал? (*фр.*)

⁵ Не знаю такого (*фр.*)

⁶ тогда не верю! (*фр.*)

ГЕЙНЕ. Или Стервлинского с Оборванским и великим Ослинским.

КАТАРИНА. Тогда я бы тоже не поверила.

ГЕЙНЕ. И все же он был прав. Я сам теперь хочу быть землей! До сих пор все вращалось вокруг меня, лежачего больного. Но отныне мое тело пребывает в движении, по Копернику. И отныне так будет каждый день.

КАТАРИНА. Сегодня вы, в самом деле, на взводе! Вынесу осколки, остальным займется прислуга.

ГЕЙНЕ. И досмотрите свой сон. Я доставил вам ночью много хлопот.

КАТАРИНА. Я скоро засыпаю! (*Собирается уходить.*)

ГЕЙНЕ. Полагаете, бог мне поможет?

КАТАРИНА. Поможет и простит!

ГЕЙНЕ. Да, это его профессия.

Картина шестая

ГЕЙНЕ (*откладывает в сторону шаль и берет с ночного столика листы бумаги. Нарочито медленно*). И снова ужасно длинный день! Слава богу, никто не играет на фортепьяно. Нервы, (*ищет положение, в котором не так сильно ощущается боль*) черт бы побрал их кошачий концерт! Неуемные аккомпаниаторы! Его работа. Пусть бы себе, но к чему такие крайности? Сначала позволяет сорвать ядовитый цветок, или райское яблоко, а потом ослепляет и сбрасывает вниз! (*Еще раз меняет позу.*) Зачем? В наказание? — Чтобы лицезреть ползущих к кресту! И это отец?!

ПОПУГАЙ (*думая, что обращаются к нему*). Henri, eh!

ГЕЙНЕ (*немного громче*). Где справедливость? — Я спрашивал тебя об этом уже не раз. В прозе и в стихах! Разве это справедливо и нравственно? — К чему эта вселенская карусель? Сам ее крутишь? Или заставляешь потеть нас ради забавы?

ПОПУГАЙ. Tais-toi!¹

ГЕЙНЕ. Пожертвовать всемогуществом ради этого безобразия?!

¹ Заткнись! (*фр.*)

ПОПУГАЙ. Henri, Henri, hehehe!
ГЕЙНЕ

Отчего под ношей крестной,
Весь в крови, влачится правый?
Отчего везде бесчестный
Встречен почестью и славой?¹...

И нежится на пуховиках счастья, и воняет от удовольствия!.. Как прикажете понимать? «Это не бог! Я буду верить в его честь», — сказал еще Граббе! Теперь он низвергнут на землю! — Вернее, под нее.

ПОПУГАЙ. Filou!²

ГЕЙНЕ. Скажешь, я был несправедлив? Не в меру заносчив, сам ненадолго возомнил себя богом? Да, я имел смелость помериться силами с величайшим богоборцем Гегелем, поносил Бёрне и критиковал Платена. Впрочем, тот первый начал. Но разве человек не вправе бросать правду в глаза, кому бы то ни было? И прослыть ратоборцем доброй протестантской веры — как твой Лютер? С Бёрне, пожалуй, вышел перебор. Идти за гробом врага, как я тогда выразился, — занятие не самое приятное. Каюсь, согрешил. И наказан. Хотя воздал ему должное, и портрет получился отменный.

ПОПУГАЙ. Voilà!³

ГЕЙНЕ. С Платеном та же история! Все дело в чести. Литературная полемика, не более. Впрочем, противник оказался достойный. Пусть и тщеславен не в меру! К тому же с приветом! Разгуливал по Мюнхену в лавровом венке! Как прикажете понимать? — Сожалею, что нанес этот удар, игра не стоила свеч. Как и в случае с корыстолюбцем Мейербером, у меня он Берешмейер. Но я же взял свои слова обратно, причем публично. Отрекся от Гегеля, признал себя христианином, поклялся на библии быть верным рыцарем святого духа, вытащил на свет божий старые стихи в честь мадонны, явил смирение всему свету.

ПОПУГАЙ. Ну да, ну да!

¹ Брось свои иносказанья... Пер. М. Михайлова // Гейне Г. Собрание сочинений: в 6-ти томах / Под общ. ред. А. Дмитриева, А. Карельского, Е. Книпович. Т. 2. М., 1981. С. 176.

² Мошенник! (фр.).

³ Вот именно! (фр.).

ГЕЙНЕ. Господи, какой писатель не ошибается? Тебе обязательно нужно было сотворить меня поэтом?

ПОПУГАЙ. Pauvre toutou!¹

ГЕЙНЕ. Верно, кое-кого оцарапал, кое-кого покусал, агнца из меня не вышло. Но что случилось бы с достославной кровостью благочестивых овец, будь у них, как у меня, зубы и когти тигра?

ПОПУГАЙ. Oui, ma biche!²

ГЕЙНЕ. Да уймись ты, наконец, черт в перьях! (Довольно неловко замахиывается на него одной из веревок.)

ПОПУГАЙ (беспокойно). Pas si fort!³

ГЕЙНЕ. Да и друзьям насолил порядком! А как же иначе? Враги не преминут обидеться! Друзья прощают. Силы небесные, что это за мир, в котором нет места шутке и смеху? Le genre ennuyeux!⁴ Разве это литература? Толика глупости поэзии не навредит!

ПОПУГАЙ. Henri, allô!⁵

ГЕЙНЕ. Не от нее ли родились кой какие шедевры? И в честь вас тоже! Звено за звеном, и цепь готова! Таков мой удел! Для кого старался? Для Кампе? Для бездушного эксплуататора! Для публики? Это тысячеголовое чудовище берется за книгу только для того, чтобы убить время и облегчить пищеварение! Для себя? Пожалуй. Но ведь...

ПОПУГАЙ. Ça alors!⁶

ГЕЙНЕ. ...и для вас тоже. (Обращаясь к Попугаю.) Tais-toi, monstre!⁷

ПОПУГАЙ. Hehehe!

ГЕЙНЕ. Слава? Известность? Меня читают уже по-японски и по-малайски! — Согласен, куда моему творению тягаться с твоим! Жалкое зубоскальство! По сравнению с великим небесным балаганом! Боже, за что это чудовищное глумление? И мучения! Который год я здесь жарюсь! Адекая вечность плавит меня, как воск! (Судорожно и неблагозвучно)

¹ Бедный гав-гав! (фр.).

² Да, моя лань! (фр.).

³ Не так сильно! (фр.).

⁴ Скучный жанр! (фр.).

⁵ Анри, привет! (фр.).

⁶ Что ты? (фр.).

⁷ Заткнись, чудовище! (фр.).

смеется.) Тебе все мало?! Господи, неужели этому не будет конца!?! *(Машинально хватается за карандаш.)* Если бог хочет кого-то наказать, он делает его поэтом. *(Записывает и читает сначала одну, потом вторую строку, затем обе вместе)*

Вечность, ох, как ты долга!
Потерял векам я счет.¹

(Пишет.)

ПОПУГАЙ. Allô, Henri!

ГЕЙНЕ *(пишет и читает вслух)*

Но однажды и меня
Черт с костями уплетет.²

ПОПУГАЙ. Tais-toi!³

ГЕЙНЕ. Ты замолчишь, скотина?!

ПОПУГАЙ. Скотина!

ГЕЙНЕ

Долго жарюсь я, но ад
До сих пор жаркого ждет.⁴

ПОПУГАЙ. Allô!

*Гейне швыряет карандашом в клетку, но промахивается.
(Беспокойно). Нё, comment?⁵*

Гейне делает из листка бумаги пульку и запускает его в Попугая.

(Кричит). Comment?!⁶

ГЕЙНЕ. Заткнись, наконец! Сатана!

ПОПУГАЙ. Ослинский!

ГЕЙНЕ *(несмотря на гнев, не может удержаться от смеха).* Ключпопканский! *(Берет промокательную бумагу, делает еще одну пульку и снова стреляет в Кокко.)*

¹ Вечность, ох, как ты долга!.. Пер. М.Тарловского // Гейне Г. Собрание сочинений: в 6-ти томах / Под общ. ред. А.Дмитриева, А.Карельского, Е.Книпович. Т. 2. М., 1981. С. 259.

² Там же.

³ Заткнись! *(фр.)*.

⁴ Вечность, ох, как ты долга!.. Пер. М. Тарловского // Гейне Г. Собрание сочинений: в 6-ти томах / Под общ. ред. А.Дмитриева, А.Карельского, Е.Книпович. Т.2. М., 1981. С. 259.

⁵ Эй, ты чего? *(фр.)*.

⁶ Чего?! *(фр.)*.

ПОПУГАЙ. Aïe, aïe!

ГЕЙНЕ. Горлопан!

ПОПУГАЙ. Bonjour!¹

ГЕЙНЕ. Сатанинское отродье! Наказание божье! *(Опять начинает писать, что-то бормоча про себя.)*

Картина седьмая

Некоторое время спустя. Гейне уже снял повязку с шеи (она валяется рядом с кроватью) и лежит, не издавая ни звука. Кругом разбросаны листки бумаги, исписанные крупными печатными буквами. Катарина, уже в одежде, но все в том же головном платке, осторожно входит в комнату. Думая, что он спит, тихо выходит. Гейне, почувствовав шаги, вздрагивает и приподнимает веко.

ГЕЙНЕ. Тут кто-то есть? Матильда? *(Никого не обнаружив, пытается потянуть за шнурок звонка, но передумывает и сморкается в шаль. Затем берет два листка и бросает их в корзину, стоящую слева от кровати. Потом достает с ночного столика театральный бинокль и смотрит через него в направлении окна, и хотя ничего не может разглядеть, говорит.)* Осень! Женщина в меховом манто. Даже мода не меняется. Собака справляет нужду! *(Кладет бинокль рядом с собой. В раздумье ощупывает несколько веревок и приводит их в движение в ритме таца. Чтобы разглядеть хоть что-то, он вынужден запрокидывать голову. Когда веревки останавливаются, он принимает первоначальную позу. Спустя какое-то время снова поднимает голову, открывает веко и смотрит на Кокко.)* Она была здесь? Allô! Ведь она по тебе соскучилась!

Попугай, кажется, спит.

Ослинский, эй!

Пауза.

Оглох? — Что с тобой? Хиндерманс! — Помехамужицкий! Наверняка переживешь меня, сова! — У тебя вид, как у Хиндерманс. *(Еще какое-то время смотрит на Попугая. Тот постепенно приобретает черты лица учительницы Хиндерманс. Гейне опять опускается на подушку.)*

¹ Здравствуйте! *(фр.)*.

Картина восьмая

Фройляйн Хиндерманс, сухощавая старая дева с лицом Попугая сидит за учительским столом и запихивает в свой крючковатый нос табак из медной табакерки. Наконец, от души чихает, крепко придерживая пенсне. Потом тщательно сморкается. Гейне по виду лет пять, он сидит за первой партой, один среди девочек. Дети учатся писать букву «П». На доске виден лишь ее первый элемент.

ХИНДЕРМАНС (встает и заглядывает в тетради некоторых девочек; ударяет одну из них розгой по спине). Пппт! Как прут! Подумай о своей пппопке! Закругляй, больше, больше! — А ты... (бьет другую ученицу по тыльной стороне ладони) не искривляй! Ппправильно прямее! Вот, как твоя рука! Сотри! (Когда девочка начинает плакать, показывает, как надо писать.) Видишь, вот так! Все время ппрямю по жизни. (Подходит к другой девочке, та съеживается.) У тебя еще ничего не написано?! (Дает ей подзатыльник.) Ппоспешай, не спеша! Кто у тебя отец?

ДЕВОЧКА. Папа.

ХИНДЕРМАНС. Что?! Кто он по профессии? Где служит?

ДЕВОЧКА. В саду.

ХИНДЕРМАНС. Святая простота!

Гейне незаметно подается вперед и подсыпает в открытую табакерку немного песку из маленького мешочка. Когда он снова садится, она замечает его.

Гарри, что ты делаешь?

ГЕЙНЕ. Чешется, тут сзади.

ХИНДЕРМАНС. Ну, так почешись! Мария, помоги ему.

ГЕЙНЕ (подставляет той спине, направляя ее руку к месту, которое у него якобы чешется). Довольно, довольно!

ХИНДЕРМАНС. А теперь садись на свои пять букв! Назови их!

Гейне вопросительно смотрит на нее.

Ну?

ГЕЙНЕ. Задница!

ХИНДЕРМАНС. Я сказала «пять»! И не таких грубых! (Разглядывает его «П», внутри которых Гейне нарисовал

рожницы.) Очень хорошо! (Гладит его по белокурым волосам.) Надо знать букву «П»! (Подходит к столу и снова нюхает табак. В испуге.) Ой! Ай! (Громко и продолжительно сморкается. Ее глаза слезятся.)

Часть девочек застыла в испуге, другие тихонько хихикают.

Кто это сделал?

Несколько пар глаз устремляются на Гейне.

Гарри Гейне, ты?! (Подходит к нему.) Зачем ты это сделал? ГЕЙНЕ. Я вас ненавижу!

ХИНДЕРМАНС. Как?! Почему?! — Это кто тут смеется? (Приносит розги и ударяет одну из девочек по спине. Потом снова возвращается к Гарри. В то время, пока она испытующим и печальным взглядом смотрит на него, ее лицо меняется, и она снова превращается в Попугая...)

Гейне вздрагивает и проводит ладонью по лицу.

ПОПУГАЙ. Henri — allô!

ГЕЙНЕ (поднимает веко и смотрит на Кокю). Выродок! — (Откидывается назад.) Ты, в самом деле, — она! — Меня не проведешь.

ПОПУГАЙ. Спппокойно!

ГЕЙНЕ. Восстал и воскрес! Попался?! Попробуй, возрази. (Спустя несколько мгновений снова дергает за веревки.)

Картина девятая

Гейне читает гранки.левой рукой приподнимает веко, причем она все время соскальзывает, а правой держит книгу у самого глаза. Он читает очень внимательно.

ГЕЙНЕ. Но это же не мой текст! — Тут не хватает слова! — Так меня уродовать! (Достает из ночного столика рукопись, пытается найти нужное место, но листки у него перемешиваются. снова обращается к тексту.) Здесь было иначе! (Берет карандаш и вносит наугад поправки. Едва сдерживая себя, с жаром.) Халтурщики!

ПОПУГАЙ. Allô, allô!

¹ Анри, привет! (фр.).

ГЕЙНЕ. Заткнись!
ПОПУГАЙ. Manger!¹
ГЕЙНЕ. Цихлинский! Или как их там всех!
ПОПУГАЙ. Henri, manger!²
ГЕЙНЕ. Загляни в миску!
ПОПУГАЙ. Henri!
ГЕЙНЕ. В миске! Dans ta mangeoire, regarde donc!³
ПОПУГАЙ. Allô, manger!⁴

Гейне пытается читать дальше, но Кокко возмущенно кричит.

ГЕЙНЕ. Mince alors!⁵ За вами ухаживают, кормят, поят, убирают дерьмо! Чего ты еще хочешь!?— Нерворезка!
ПОПУГАЙ. Tais-toi!⁶
ГЕЙНЕ. Шею сверну! Как мне, черт возьми, работать!
ПОПУГАЙ. Allô, bonjour!⁷

Гейне снова стреляет в него пулей из промокашки.

Méchant!⁸
ГЕЙНЕ. Эй, Хиндерманнс! Сейчас ты отсюда вылетишь!
ПОПУГАЙ. Да, ...но!

ГЕЙНЕ (*перестает читать*). Скотина! Я до тебя доберусь! Сейчас я сделаю рогатку! (*Ищет глазами в ночном столике что-нибудь подходящее.*) Не испытывай мое терпение! Сказал, подстрелю!

ПОПУГАЙ. Merci!⁹

Слышно, как мимо по улице быстро движется взвод гренадеров-музыкантов.

ГЕЙНЕ (*возбужденно хватается за бинокль и прикладывает его к глазу, не поднимая века*). Это они! — Их медвежьи шапки, кокарды, их штыки! — И тамбурмажор! — Ну, где же

¹ Кушать! (фр.).

² Анри, кушать! (фр.).

³ В кормушке, там, посмотри! (фр.).

⁴ Эй, кушать! (фр.).

⁵ Всё мало! (фр.).

⁶ Заткнись! (фр.).

⁷ Эй, привет! (фр.).

⁸ Злюка! (фр.).

⁹ Спасибо! (фр.).

его жезл? Как, уже в воздухе? (*Отнимает бинокль, приподнимает веко и смотрит в направлении окна.*) Ничего! — Эй, Кокко, видишь? С позолоченной головкой! (*Снова прикладывает к глазу бинокль.*) Прежде они вскидывали выше! — Хотя и тогда не доставали до шестого этажа.

Барабанная дробь слышна теперь совсем отчетливо.

Ба, мой Ле Гран! (*Опускает бинокль и откидывается назад.*) Мой Ле Гран опять бьет в барабан! — Барабанит!

ПОПУГАЙ (*беспокойно*). Merde!¹

ГЕЙНЕ (*когда звуки удаляются*). Сейчас они у обелиска, поворачивают к Мадлене... нет, маршируют в Тюильри, к Лувру — чествовать Венеру! (*Прислушивается и пальцами отбивает на ночном столике такт.*) ...Вниз к богине! Ах, как давно это было!

ПОПУГАЙ. Manger! Hé!²

ГЕЙНЕ. В сорок восьмом! У меня была трость! И я мог еще худо-бедно ходить... (*Меняя голос, импровизирует диалог. Фигуры при этом могут появляться то четче, то расплывчатее.*)

ПРОХОЖИЙ. Monsieur Einé, allô!³ Рад видеть вас снова! Вы с тростью, стало быть, верно, больны, как о том говорят?

ГЕЙНЕ. Еще хуже! Нет слов! А с кем, позвольте, имею честь?

ПРОХОЖИЙ. Не узнаете? Мы вместе обедали у Ротшильда, и вы рекомендовали мне ваши книги! Я их прочел.

ГЕЙНЕ. И какие же?

ПРОХОЖИЙ. Те... те письма из Парижа...

ГЕЙНЕ. Их написал Бёрне.

ПРОХОЖИЙ. Ах да, пожалуй. Верно что-то другое. Я пройду с вами, и вы опять вынесете меня в заглавие. Куда направляетесь?

ГЕЙНЕ. Помолиться.

ПРОХОЖИЙ. Помолиться? Кто бы мог подумать? А еще уверяли меня, что настоящая вера бывает только в кредит. И что Ротшильд ее истинный создатель! Видит бог, болезнь вас вразумила. Я никогда не верил, что вы атеист.

¹ Черт возьми! (фр.).

² Кушать! Эй! (фр.).

³ Мосье Айнэ, привет! (фр.).

ГЕЙНЕ. Я всегда верил в поэзию — и в хорошее вино. Скажем, в сотерн.

ПРОХОЖИЙ. Вы, с вашего позволения, католик, как и мы все?

ГЕЙНЕ. Абсолютный. С тех пор как опираюсь на трость! И молюсь нашей обожаемой госпоже Милосской. Той, что из Лувра, знаете?

ПРОХОЖИЙ. Ах, — Венере! Верх остроумия! Настоящий гейневский юмор!

ГЕЙНЕ. Хотя она и не раскрывает мне своих объятий. Знаете ее судьбу? Перенесла обрезание божественной плоти так же, как я — физической.

ПОПУГАЙ. Merde!¹

ГЕЙНЕ. Что скажете? И нет таких законов, которые могли бы нашим двум половинкам соединиться.

ПОПУГАЙ. Tais-toi!²

ГЕЙНЕ. Что тебе нужно? Не вмешивайся! Не успеешь глазом моргнуть, спущусь к ней. Стоит мне только захотеть. Господи, исполни мое последнее желание!

ПОПУГАЙ. C'est ça.³

ГЕЙНЕ. Сейчас я это проделаю! Клянусь!

ПОПУГАЙ. C'est ça.⁴

Картина десятая

Гейне спокойно лежит и выстукивает по лбу ритм мелодии «В движеньи мельник жизнь ведет». Спустя некоторое время на потолке возникает следующая картина: художочный, явно подвыпивший бродячий Подмастерье — на самом деле бродячий торговец — направляется в Клаусталь.

ПОДМАСТЕРЬЕ (*напевая себе под нос*)

В движеньи мельник жизнь ведет,

В движеньи!

Плохой тот мельник должен быть,

¹ Черт возьми! (*фр.*).

² Заткнись! (*фр.*).

³ Вот именно! (*фр.*).

⁴ Так оно и есть. (*фр.*).

Кто хочет в праздности прожить
Весь век свой!

Вино примером служит нам,
Примером!

Ничем оно не дорожит,
И дальше, как вода, бежит,
Все дальше!

К нему присоединяется Гейне, стройный голубоглазый блондин лет 27, в коричневом сюртуке и желтых брюках, полосатом жилете, с черным галстуком на шее и в зеленой камилавке. На спине у него — коленкоровый ранец.

(*Оборачивается*). Здорово живешь, попутчик, откуда родом, куда путь держишь? (*Смотрит на него испытующе.*)

ГЕЙНЕ (*лукаво улыбаясь*). Приветствую тебя, любезный! Зовут меня Перегринус-космополит, а путешествую я на деньги турецкого императора, верблюду рекрутов. Не соизволите ли присоединиться?

ПОДМАСТЕРЬЕ. Оставайся в отечестве и живи трудом праведным. Так, верно, говорят? Спасибо за предложение!

ГЕЙНЕ. С кем имену честь?

ПОДМАСТЕРЬЕ (*тоже лукаво*). Портной-подмастерье, зовусь Векерлином, иду из Брауншвейга. Ох уж эти турки! Молодой сюзерен по пути в Святую землю попал к ним в лапы. Теперь они требуют за него огромный выкуп. Ох уж эти турки!

ГЕЙНЕ. Война, самооборона, нехватка служилых людей! Но я мог бы замолвить за него словечко у султана

ВЕКЕРЛИН. Премного обяжете брауншвейгцев! В чести у турков?

ГЕЙНЕ. О да, его высочество изволили со мной выпить, откусать и гарем посетить! Святая святых подобных правителей. Кроме того, при мне охранные грамоты.

ВЕКЕРЛИН. Да, куда мне до вас! (*Театрально вздыхает.*) Приходится самому пробиваться в жизни, дрожу за свои скудные сбережения! Пою со страха! Тем более приятно, что такой доблестный муж составил мне компанию. В случае чего, защитит от разбойников.

ГЕЙНЕ. О чем речь! Я уже не одного уложил! Только разбойников здесь маловато! В Турции шагу не шагнешь, чтобы

не наткнуться на огромные вооруженные шайки бандитов! Посему любой путешественник имеет при себе пушки крупного калибра. И все равно едва уносит ноги!

ВЕКЕРЛИН. Поразительно! Воздаю хвалу нашей немецкой полиции, которая принуждает путешественника часами напрасно ждать встречи с грабителями.

ГЕЙНЕ. Н-да, немецкая полиция обходительна до чрезвычайности — зимой греет арестантам цепи, чтобы легче было носить.

ВЕКЕРЛИН. Что бы с нами случилось, когда бы из-под каждого куста, из каждой канавы выскакивало по дюжине преступников и до нитки обирали струхнувших путников, — помните нищего из геллертовой басни?

ГЕЙНЕ. Читали Геллерта?

ВЕКЕРЛИН. А как же! Обучен чтению и письму. Ремеслом овладел у портного Зандера в переулке у чистой канавы, что в Хальберштадте. С тех пор поменял не одного мастера, в Касселе и Брауншвейге. Постичь характер мужского платья подчас труднее, нежели изучить характер его владельца.

ГЕЙНЕ. Так так. Читать, писать — и петь? Как насчет хо-рошенькой песенки от страха?

ВЕКЕРЛИН. С превеликим удовольствием!

ГЕЙНЕ. Только без глупых переделок!

ВЕКЕРЛИН. Как придумал поэт! *(Исполняет несколько строф народной песни «На заборе жук сидел. Брум, брумм!», затем неожиданно преображается, начинает хрипеть и язвительно ухмыляться.)* Хе-хе-хе-хе!

ГЕЙНЕ. Что с вами?

ВЕКЕРЛИН. Негодяй! Хе-хе-хе! Жулик!

ГЕЙНЕ. Что вы себе позволяете!

ПОПУГАЙ. Tais-toi!¹

ГЕЙНЕ *(поднимает веко)*. Эй ты, чертово отродье! Угомонишься ты или нет? *(В ярости швыряет в него карандашом.)* Мерзкая скотина!

ПОПУГАЙ. Comment — аïе, аïе!²

ГЕЙНЕ. Перья повыдергиваю!

ПОПУГАЙ. Ну да, ну да!

¹ Заткнись! *(фр.)*.

² Ты что — ай! *(фр.)*.

ГЕЙНЕ. Зануда! Страшилище! Коварный дух!! Клюв завяжу!
ПОПУГАЙ. Merde!¹

ГЕЙНЕ. Пусть только явится твоя заступница! Я вас ошпилю! Обоих *(берет шаль и пытается ее разорвать)* ...выкину *(бросает шаль на пол)* ...прогоню к чертовой матери!

ПОПУГАЙ *(произительно)*. Хе-хе-хе!

ГЕЙНЕ. Посмейся мне! Почернеешь от злости! *(Поднимает веко и смотрит на него.)* Сгинь! Чтоб глаза мои тебя не видели! *(Опускает веко и откидывается на подушку.)*

Картина одиннадцатая

Гейне лежит и грызет ногти, сплевывая огрызки в воздух. Неожиданно он начинает отбивать ритм, задев при этом одну из веревок. Поднимает веко и тщетно ищет записанный текст. Берет новый листок и новый карандаш и записывает две строчки.

ГЕЙНЕ

Но однажды черт придет

И с костями улетет...²

Отлично! — Или «придет» слабовато? — Может быть...

ПОПУГАЙ. Bonjour!³

ГЕЙНЕ. «Вельзевул»? Нет. — *(Ложится и снова отбивает такт.)*

ПОПУГАЙ. Manger! — Allô! — Maquereau!⁴ — Ну да, ну да!

ГЕЙНЕ. А вот и нет!

ПОПУГАЙ. Henri, allô!⁵

ГЕЙНЕ. «Сшибет?»

ПОПУГАЙ. Скотина!

ГЕЙНЕ. «С ног сшибет»? *(Качает головой.)* Нет, хотя звучит неплохо.

¹ Дерьмо! *(фр.)*.

² Вечность, ох, как ты долга!.. Пер. М. Тарловского // Гейне Г. Собрание сочинений: в 6-ти томах / Под общ. ред. А.Дмитриева, А.Карельского, Е.Книпович. Т. 2. М., 1981. С. 259.

³ Добрый день! *(фр.)*.

⁴ Есть! — Эй! — Сводник! *(фр.)*.

⁵ Апри, привет! *(фр.)*.

ПОПУГАЙ (*громче*). Мерзавец!
ГЕЙНЕ (*читает написанное*)

Но однажды с ног сшибет
И с костями уплетет.

(*Кивает и бросает листок в корзину.*)

ПОПУГАЙ. Сосо, с'est ça!¹

ГЕЙНЕ. Черт бы тебя побрал! (*Смотрит в бинокль.*) Пусто. Барабанщики давно на постоялом дворе. А тамбурмажор спит под столом. — Где Матильда? Не видно. Обычно в этот час она возвращается оттуда с Паулиной, веселая и украшенная воображаемыми шляпками. Они ей, видите ли, к лицу! Одна непременно с павлиньим пером. Зеленая тоже ничего, сродни капризной поэзии, наверху — страусиное яйцо. Скорее всего, бутафория.

ПОПУГАЙ. Voilà.²

ГЕЙНЕ (*снова дергает за веревки, но поскольку он не следит за их движением, те быстро запутываются*). Вместо того чтобы раствориться в воздухе, тело гниет заживо. — Хорошо придумал, живодед! Молчишь. А дурак ожидает ответа. Следовало бы привлечь тебя к суду за такие пытки!

ПОПУГАЙ. Кампе!

ГЕЙНЕ. Этот?! ...Тоже молчит — подобно великому режиссеру там, наверху! Оставил меня без ног. (*Достает кинжал из-под подушки, рассматривает его и с усилием извлекает из футляра.*) Подходящая минута! Длинный монолог à la Гамлет, если получится, а лезвие не пропахло селедкой! (*Нюхает клинок.*) Но что потом? Небесный сюрприз? Смерть — весьма серьезное предприятие!.. (*Поддевает кинжалом один из листков*)

И сам я, бледный обнаженный труп,
Изверженный сердитым морем,
Лежу на берегу,
На диком, голом берегу!³

¹ Коко, порядок! (*фр.*)

² Угу. (*фр.*)

³ Кораблекрушение. Пер. Ф.Тютчева // Гейне Г. Собрание сочинений: в 6-ти томах / Под общ. ред. А.Дмитриева, А.Карельского, Е.Книпович. Т. 1. М., 1980. С. 203.

И не могу набраться мужества убрать метафору...

ПОПУГАЙ. Henri, allô! Manger!¹

ГЕЙНЕ (*разглядывает проколотый листок*) ...вот так!

ПОПУГАЙ. Merde alors!²

ГЕЙНЕ. Что ожидает его в камине? Пламя. Останется зола. И что еще?

ПОПУГАЙ. И что еще?

ГЕЙНЕ. Больше ничего. Ясно, как божий день! Да, разумеется, душа. — Нам отпущен вексель бессмертия. Только вот подписал ли его Ротшильд? И можно ли его выкупить?!

ПОПУГАЙ. С'est ça!³

ГЕЙНЕ. А те, кого мучили, так мучениками и останутся.

Пауза. Попугай бубнит свой репертуар.

И сам я, бледный обнаженный труп,
Изверженный сердитым морем,
Лежу на берегу,
На диком, голом берегу!

Пауза. Гейне ведет воображаемый диалог.

ГЕЙНЕ 1. Опять море!

ГЕЙНЕ 2. Море? Что с того? Соленая явь.

ГЕЙНЕ 1. Мать красоты, рожденной из пены!⁴

ПОПУГАЙ (*пронзительно*). Tais-toi!⁵

ГЕЙНЕ 2. Я сам был в Куксхафене и видел море. Что с того? Вода, одна вода!

ГЕЙНЕ 1

А я сидел на побережье, глядя
На белую пляску валов;
И сердце мне страстной тоской охватило —
Глубокой тоской по тебе,
Прекрасный образ...⁶

¹ Анри, привет! Кушать! (*фр.*)

² Черт возьми, ну же! (*фр.*)

³ Вот именно! (*фр.*)

⁴ Буря. Пер. В.Левика // Гейне Г. Собрание сочинений: в 6-ти томах / Под общ. ред. А.Дмитриева, А.Карельского, Е.Книпович. Т. 1. М., 1980. С. 193.

⁵ Заткнись! (*фр.*)

⁶ Признание. Пер. М.Михайлова // Гейне Г. Собрание сочинений: в 6-ти томах / Под общ. ред. А.Дмитриева, А.Карельского, Е.Книпович. Т. 1. М., 1980. С. 190.

(Замолкает, погруженный в свои мысли.)

На противоположной стене, недалеко от Кокко, из моря появляется образ Мушки. У нее продолговатое лицо, курносый нос, черные, причесанные на прямой пробор волосы. На ней светлое платье и шляпа.

Наконец-то! — Наконец-то ты здесь! Родное прелестное дитя, как я ждал!

Непродолжительная пауза.

Матильда не велела тебя принимать? Она не посмеет! — Сними шляпу и подойди поближе! — Что случилось? — *(Поскольку та молчит, он поднимает веко.)*

ПОПУГАЙ. Негодяй!

ГЕЙНЕ. Что с тобой?

Она съеживается до размеров Попугая и исчезает. Попугай кажется теперь больше, его голос звучит ехиднее.

ПОПУГАЙ. Hehehe, Henri, Coco!

ГЕЙНЕ *(вне себя)*. Сволочь! *(Хватает первый попавшийся карандаш и швыряет его, не целясь, в Попугая.)* Броккенская ведьма! Горло перережу! *(Бросает еще один карандаш, потом, стараясь не шуметь, роняет кинжал на пол, ждет некоторое время и сползает к краю матраса. Падает вслед за кинжалом. Вскрикивает. С помощью локтей, опираясь больше на правый, заползает под клетку. Пальцами правой руки с трудом держит кинжал. Быстро, еле переводя дыхание.)* Скотина!

ПОПУГАЙ *(беспокойно)*. Henri, аïe!

ГЕЙНЕ. Змея клювоногая! — Вышвырну, за окно!

ПОПУГАЙ. Негодяй! Comment!¹

ГЕЙНЕ. Comment? Увидишь! *(Вынужден перевести дух.)*

ПОПУГАЙ. Тварь!.. Ну-ну!.. Мошенник!

ГЕЙНЕ. Черт в перьях! Пovyдергиваю, по одному!

ПОПУГАЙ. Eh, maquerreau, pop!²

Гейне перекатывается на спину и пытается вонзить кинжал в клетку, но безуспешно.

Aïe!

¹ Ты чего? *(фр.)*.

² Эй, сводник, не надо! *(фр.)*.

ГЕЙНЕ. Не мечтай, что это сойдет тебе с рук! *(Пытается приподняться, опираясь на кресло, роняет при этом кинжал и вынужден начать все сначала.)* Я до тебя доберусь! Ворона! *(Не осуществив угрозы, лежит, как жук, на спине и, подняв веко, смотрит наверх.)*

ПОПУГАЙ. Henri, allô!

ГЕЙНЕ. Не обольщайся!

ПОПУГАЙ. Негодяй!

ГЕЙНЕ. Человеческое отребье, страшилище! Ну, погоди! *(Обнаруживает веник, переворачивается, дотягивается до него, задвигает кинжал как можно ближе к стене, чтобы его не было видно. Неловко и неуверенно орудуя веником, наконец, дотягивается до крючка, на котором висит клетка.)*

Попугай издает громкие нечленораздельные звуки.

(Трясет и тянет за крючок.) Сволочь! Палач! — Твоя песенка спета!

Крючок немного наклоняется, и от удара веником клетка с кричащим Кокко падает на пол. Тишина. Гейне, обессиленный, лежит, пытаясь отодвинуть веник. Дверь распахивается.

КАТАРИНА. Господи! Фрау Гейне! *(Выбегает. За дверью.)* Беда! *(Снова вбегает. Матильда следом за ней.)* Мосье Гейне, ну же, мосье Гейне, что вы натворили!? *(Опускается на колени и поддерживает его за голову.)*

МАТИЛЬДА *(обнаруживает упавшую клетку)*. Кокко! Mon Dieu!¹ Что с тобой?.. Il est mort!²

ГЕЙНЕ. Просто потерял дар речи.

МАТИЛЬДА *(поднимает клетку и прижимает ее к себе)*. Он мертв! Mon coco! Mais qu'est-ce que tu as?! — Il ne bouge plus!³

ГЕЙНЕ. Очухается.

КАТАРИНА. Ну же, я вам помогу! *(Поднимает Гейне и несет его в кресло.)*

МАТИЛЬДА *(вскрикивает и оседает на пол)*. Мертв! — Теперь я совсем одна на этом свете!

¹ Боже! *(фр.)*.

² Он мертв! *(фр.)*.

³ Мой Кокко! Что с тобой? — Он не шевелится! *(фр.)*.

ГЕЙНЕ (*смеется*). Одна? Я для тебя, стало быть, ничего не значу!

МАТИЛЬДА (*кричит*). Совсем ничего! Ничего! (*Рыдает.*)
Le raucage!¹

ГЕЙНЕ. Глупая женщина! Завтра я куплю тебе нового попугая! Или пару, если он сдох!

КАТАРИНА. Как это могло случиться?

ГЕЙНЕ. Упал, крючок ослаб! — Но он тоже хорош!

МАТИЛЬДА. Мне не нужен новый! Мне нужен Коко! Ах, бедняжка! (*Выбегает с клеткой из комнаты.*)

КАТАРИНА. А вы? Как вы очутились на полу?

ГЕЙНЕ. Хотел ему помочь!

КАТАРИНА. Почему не позвонили?!

ГЕЙНЕ. Не позвонил... не хотел вас будить!

КАТАРИНА. Уже разбудили! Ну же, давайте, я подложу вам под спину подушку! Господи, да под вами лужа!

ГЕЙНЕ. Не может быть.

КАТАРИНА. Вот простыня, одеяло... ноги, сейчас принесу свежее белье.

ГЕЙНЕ. Не надо!

КАТАРИНА. Сначала проветрим комнату! Ну и запах здесь! Вы не можете принимать гостей в таком виде! (*Ставит веник на место и открывает окно.*)

ГЕЙНЕ. Гости? Каких гостей?

КАТАРИНА. Четыре молодых человека из Кельна — говорят, давно ждут.

ГЕЙНЕ. Черт, что им надо?!

КАТАРИНА. Хотят вам спеть.

ГЕЙНЕ. И не мечтайте!

КАТАРИНА. Что споют?

ГЕЙНЕ. Merde!²

КАТАРИНА. Но ведь это песни, немецкие!

ГЕЙНЕ. Негодяи! Плуты!

КАТАРИНА. Уже битый час ждут!

ГЕЙНЕ. Я не принимаю посетителей!

КАТАРИНА. Но, господин Гейне, — только их! Вот увидите, пение пойдет вам на пользу. Как молитва.

¹ Бедняжка! (*фр.*).

² Тьфу!

ГЕЙНЕ. Твари! Мошенники!

КАТАРИНА. Подумайте, ради себя!

ГЕЙНЕ. Никаких немцев!

КАТАРИНА. Такие приятные молодые люди!

ГЕЙНЕ. Пусть оставят меня в покое.

КАТАРИНА. С Рейна, из Кельна, господин Гейне!

ГЕЙНЕ. Омерзительный диалект! Квакают, как лягушки!

КАТАРИНА. Они ведь только поют —

ГЕЙНЕ. — и пахнут тухлыми яйцами!

КАТАРИНА. Песни на ваши стихи!

ГЕЙНЕ. На мои стихи?

КАТАРИНА. Ну да! Они хотят спеть их для вас.

ГЕЙНЕ (*как бы приходя в себя*). Это меняет дело!

КАТАРИНА. Вот видите. Говорите, что так одиноки, а когда кто-то соизволит нанести визит, — валяете дурака! Принимите ванну, приведите себя в порядок, и я их впусти.

ГЕЙНЕ. Ванну? Зачем?

КАТАРИНА. Опять за свое. Сейчас наношу воды.

ГЕЙНЕ. Глупости! Ерунда.

КАТАРИНА (*закрывает слив в ванне*). Вы всегда так, а потом млеете от удовольствия.

ГЕЙНЕ. Не замечал. Глупо меня принуждать! (*Разглядывает место, где висела клетка, смеется.*) Henri, allô!

Tais-toi! — Tu as vu?¹

КАТАРИНА (*возвращается с ведром воды*). Ну вот, вода теплая, это вас расслабит!

ГЕЙНЕ. Потом. Лучше поищите мою жену!

КАТАРИНА. Вода остынет!

ГЕЙНЕ. Ее надо утешить! Ступайте к ней, живо! Или позвоните ее сюда!

КАТАРИНА. Она в постели. Ей лучше всего выплакаться. Ну же!

ГЕЙНЕ. Не могу купаться, когда она в таком отчаянии.

КАТАРИНА. Отчаиваться из-за птицы!? Может, он скоро опять запрыгает, и мы поместим его на старое место. У нас была кошка, так та упала с третьего этажа. Три дня хромала и ничего, попищала, а потом все прошло.

¹ Анри, привет! Заткнись! — Получил? (*фр.*).

ГЕЙНЕ. Не доставало, чтобы Коко замяукал, — ну уж нет! Больше никаких птиц, вообще никаких животных! Сыт по горло!

КАТАРИНА. Еще пару ведер, и можно принимать ванну.

ГЕЙНЕ. Пусть лучше сначала споют. Велите им войти!

КАТАРИНА. Но здесь не прибрано!?

ГЕЙНЕ. Мы не в гостинице. Впусти их!

КАТАРИНА. Но, господин Гейне! У вас тоже... вид!..

ГЕЙНЕ. Потерпят! Карандаш, бумагу!

Катарина подает ему то и другое, быстро приводит в порядок постель, подбирает листы бумаги и подметает пол веником. Гейне принимает позу поэта.

КАТАРИНА. Осколки остались! — Сначала бокал, теперь птица!

ГЕЙНЕ. Это к счастью! Пусть войдут! Только ненадолго! И немного задерни шторы!

КАТАРИНА. Так?

ГЕЙНЕ. Пусть будет так.

Катарина уходит.

Картина двенадцатая

Гейне еще раз меняет позу и делает вид, что пишет. Спустя какое-то время Катарина открывает дверь и впускает четверых молодых людей, все в одежде пилигримов и здоровой наружности. Необычность ситуации их несколько смущает.

КАТАРИНА. Пожалуйста, недолго, он очень болен!

СТАРШИЙ *(на густом кельнском диалекте)*. Разумеется! Мы счастливы, что нас вообще приняли.

Выстраиваются в шеренгу, держа шляпы в руках. При виде Гейне теряют дар речи.

КАТАРИНА. Принесу еще пару ведер! Ведь я вам пока не нужна? *(Выходит.)*

ГЕЙНЕ *(поднимая веко)*. Ба, гости! — Откуда? И куда?

СТАРШИЙ. Четыре бродячих бурша с Рейна! Господин Гейне, четверо весельчаков с Рейна передают приветы с родины от лица всех немецких музыкантов! С удовольствием исполним поэту серенаду!

ГЕЙНЕ. С Рейна? Давайте!

СТАРШИЙ. Из Кельна! Города славного собора и —

ГЕЙНЕ. — Кобеса и Марицебиль!

СТАРШИЙ. Вы и о них слышаны?

ГЕЙНЕ. Сердце мое принадлежит Кельну! Рейн — река воспоминаний! Предан ему всей душой. Я не просто рожден на Рейне, я им вскормлен! Но теперь я очень болен. В редкие минуты просветления, как теперь, пишу. Поэтому не тяните. Запевайте!

СТАРШИЙ. С удовольствием! *(Помогает остальным взять правильный тон, и все четверо затягивают, что есть сил, и от всего сердца романс на слова Гейне «Тихо сердца глубины...»)*¹.

Гейне находит пение слишком громким, он хватается за ухо и роняет карандаш. В это время снова с ведром воды входит Катарина.

(Кланяется, обращаясь к Гейне). Еще одну, такую же короткую! *(Обращаясь к товарищам)*. Пожалуйста, четче выговаривайте слова и старайтесь петь слаженно, — смотрите друг другу в рот!

*Музыканты смотрят друг на друга и поют, подчеркнуто тщательно артикулируя звуки: «Бежим! Ты будешь мне женой!...»*².

ГЕЙНЕ *(дождавшись, когда они закончат)*. Отменное переложение! Верно схвачено. Лучше передать невозможно! К сожалению, я почти не слышал песен на мои стихи!

СТАРШИЙ. Их поют по всей стране, по всей Германии, от мала до велика, — как истинно народные песни!

ГЕЙНЕ. В самом деле? И какие же?

СТАРШИЙ. «Лорелею» или «Цветешь ты, словно ландыш»³ и «Видел я, как в чаше леса»⁴ —

¹ Тихо сердца глубины. Пер. А.Блока // Гейне Г. Собрание сочинений: в 6-ти томах / Под общ. ред. А.Дмитриева, А.Карельского, Е.Книпович. Т. 1. М., 1980. С. 219.

² Бежим! Ты будешь мне женой! Пер. В.Левика // Гейне Г. Собрание сочинений: в 6-ти томах / Под общ. ред. А.Дмитриева, А.Карельского, Е.Книпович. Т. 1. М., 1980. С. 273.

³ Цветешь ты, словно ландыш. Пер. З.Морозкиной. Там же. С. 141.

⁴ Видел я, как в чаше леса. Пер. М.Павловой. Там же. С. 230.

ГЕЙНЕ. Вот эту, спойте напоследок! Катарина, предложи господам что-нибудь, промочить горло!

КАТАРИНА. Вина, воды?

ГЕЙНЕ. Рейнвейну! С немецкого берега!

Катарина выливает воду в ванну и снова выходит.

Вам следует знать, я очень ценю музыку. Много писал о Шопене, о Листе, с которыми меня свела судьба. Сожалею, что Шопен, насколько мне известно, не положил на музыку ни одного моего стихотворения. Из-под пера Мейербера, для меня Берешмейера, вышло сорок четыре. Зато, что много хуже — вместе с музыкой — и дух вон. Шуберт и Шуман, да и Мендельсон особенно не отличился, подарили мне и того меньше. Давайте послушаем вашу!

СТАРШИЙ. Про Мендельсона слышали! Но сперва наш подарок — Конрад!

Тот разворачивает и протягивает Старшему лавровый венок.

Поэту в знак глубочайшего почтения и поклонения! (*Намеревается надеть его на Гейне.*)

ГЕЙНЕ. Не сегодня! Нервы опять вздумали снять с меня скальп. (*Катарине, входящей с четырьмя пустыми бокалами на подносе.*) Катарина, сделайте одолжение, наденьте это вместо меня!

КАТАРИНА. Я? Он вам к лицу!

ГЕЙНЕ. Вообразите, что Вы — это я!

КАТАРИНА. Не знаю, право —

Старший тоже в замешательстве, не знает, что предпринять.

ГЕЙНЕ. Она давно не наряжалась! Пусть наденет! Ну же, Катарина!

Катарина слегка нагибается, не выпуская из рук подноса, и венок оказывается на ней.

Ну, а теперь песню. Только не так громко, как предыдущую!

Старший снова задает тон, и они поют с глубоким чувством и очень проникновенно. У Гейне растроганный вид. Он инсценирует приступ кашля.

КАТАРИНА (*быстро отставляет поднос, поворачивается к Гейне, а затем к певцам, решительно*). Хватит! Вы же видите! Ступайте, ступайте!

Гейне благосклонно делает прощальный жест рукой. Четверо молодых людей раскланиваются и тихо выходят.

Может, наложить на затылок повязку с морфием? Очень больно?

ГЕЙНЕ. Немного поперхнулся. Всего-навсего!

КАТАРИНА. Ну и напугали же вы меня!

ГЕЙНЕ. Это приходит и уходит. Вы же знаете.

КАТАРИНА. Так неожиданно еще не бывало!

ГЕЙНЕ. Радуйтесь!

КАТАРИНА. Я рада! — Они хорошо пели! Просто за душу берет! А вы разве не счастливы?

ГЕЙНЕ. Счастье, несчастье, — где грань?

КАТАРИНА (*неожиданно надевает на него лавровый венок*). Смотрите, как он вам к лицу! Надо было сразу надеть. Так, еще ведро, и будем принимать ванну. (*Выходит.*)

ГЕЙНЕ. Выкупайте венок! Этого будет достаточно. (*Снимает его.*) Глупая затея! — Что скажешь, Коко? — Плутушка!

Пауза.

КАТАРИНА (*приносит еще одно ведро воды и выливает ее в ванну*). Все-таки мало! — Ну вот, господин Гейне, сначала помылась душа, теперь настал черед телу.

ГЕЙНЕ. Предложите это молодым людям! Пусть омоют ноги! Из Германии путь недалек!

КАТАРИНА. Ну вот, они ничего не выпили!

ГЕЙНЕ. Зато на меня поглядели.

КАТАРИНА (*выходя*). Вот видите, земляки вас помнят!

ГЕЙНЕ. Земляки! Если человеку хорошо, доведут до могилы, а потом проявят участие и сочувствие.

КАТАРИНА. Что за разговоры — до могилы! До ванны! Ну же!

ГЕЙНЕ. Pas trop, pas trop!¹ (*Ищет карандаш.*) Merde!² Отвратительный тип! Где мой карандаш?! (*Продолжает искать.*)

¹ Не спеши, не спеши! (*фр.*).

² Черт! (*фр.*).

КАТАРИНА (*приносит еще ведро воды и выливает ее в ванну*). Готово, господин Гейне, пора!

ГЕЙНЕ. Ничего подобного! Купайтесь сами, а я посмотрю.

КАТАРИНА. Нет, нет, сейчас отнесу вас в ванну, и вы будете делать то, что положено. Давайте, (*берет его на руки*)...неужели вам приятно лежать в грязи! — Чистая одежда, свежее белье...

ГЕЙНЕ. ...новый попугай! Вы её нашли?

КАТАРИНА. Да. Но она заперлась в комнате —

ГЕЙНЕ. Может быть, оклемался —

КАТАРИНА. — как наша кошка. (*Несет Гейне на кресло, чтобы раздеть.*)

ГЕЙНЕ. Sic transit gloria mundi!¹

КАТАРИНА. Что вы опять бормочете?

ГЕЙНЕ. Так, афоризм, молитва...

КАТАРИНА. Чего?

ГЕЙНЕ. Чтобы не утонуть в ванне!

КАТАРИНА. Утонуть!? Придумаете же!

ГЕЙНЕ. Или замерзну, напугаюсь и умру...

КАТАРИНА. Купаться полезно для здоровья, господин Гейне. Я вам святой воды добавила, из Нотр-Дама!

ГЕЙНЕ. Святой воды! — Это мне, наверно, поможет!

Катарина усаживает Гейне в кресло.

КОНЕЦ

¹ Так проходит мировая слава! (*лат.*).

Рекомендации к постановке

1851 и 1855 годы условно делят пьесу на две части, давая возможность сделать в этом месте антракт.

Во второй картине разыгрывается диалог между Кампе и Стариком, а затем с консьержкой на возвышении чуть ниже сцены.

Для превращения Попугая в Хиндерманс (8 картина) можно использовать световое пятно. Птичье лицо Хиндерманс (8 картина), Подмастерья (10 картина) и Мушки (11 картина) можно изобразить с помощью маски, которую надевает артист по ходу действия пьесы.

Библиографические примечания

1. Народная песня «На заборе жук сидел» опубликована в книге «Trösteinsamkeit in Liedern» / Philipp Wackernagel, Frankfurt am Main, Verlag von Heyder & Zimmer, 1867, Seite 167 f.

2. Исполняемые кёльнскими музыкантами мелодии на стихи Гейне положены на музыку Мендельсоном. «Тихо сердца глубины...» = op. 19 a, Nr. 5; «Бежим! Ты будешь мне женой!...» = op. 41, Nr. 2; «Видел я, как в чаще леса» = op. 19 a, Nr. 5.

Приложение

1. Ein Käfer auf dem Bau-ne faß, brumm, brumm! Ein
Käfer auf dem Bau-ne faß, die Fliege die dar-
un-ter faß; sum, sum!

На заборе жук сидел. Брумм, брумм! / Муху он внизу узрел.
Зумм, зумм!

«Муха, пойдешь за меня замуж? / У меня есть три дуката».

«Какой же душой надо быть, / Такого мужа захотеть».

Летит купаться муха, / За ней служанок туча.

Одна несет скамейку, / Вторая — полотенце.

А третья тащит мыло, / Четвертая трет спину.

Пятая тащит кувшин с вином, / Шестая орудует черпаком.

«Где моя служанка мушка? / Пусть погладит мое брюшко.

Пусть погладит мою кожу, / Я жука невеста все же».

Летит с купанья муха, / За ней служанок туча.

Потом все в пляс пустились, / Невесты сторонились.

Чтоб их не растоптала, / Она с жуком плясала.

От той любви жук вдруг устал, / В дерьмо навозное упал.

Семь лет лежал в нем не дыша, / Пока невеста не сгнила.

Лукавый Лазарь

Приобщаясь к Генриху Гейне

Пьеса в 12 картинах

*Перевод с немецкого
Тамары Кудряцевой*

Оригинал-макет изготовлен
Л.В.Владимирской.

ИД № 01286 от 22.03.2000 г.

Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Тайме.
Печать офсетная. Печ. л. 5. Тираж 300 экз. Заказ № 9722

121069, Москва, ИМЛИ РАН,
ул. Поварская, д. 25-а.
Тел.: (095) 202-21-23, 291-23-01

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6